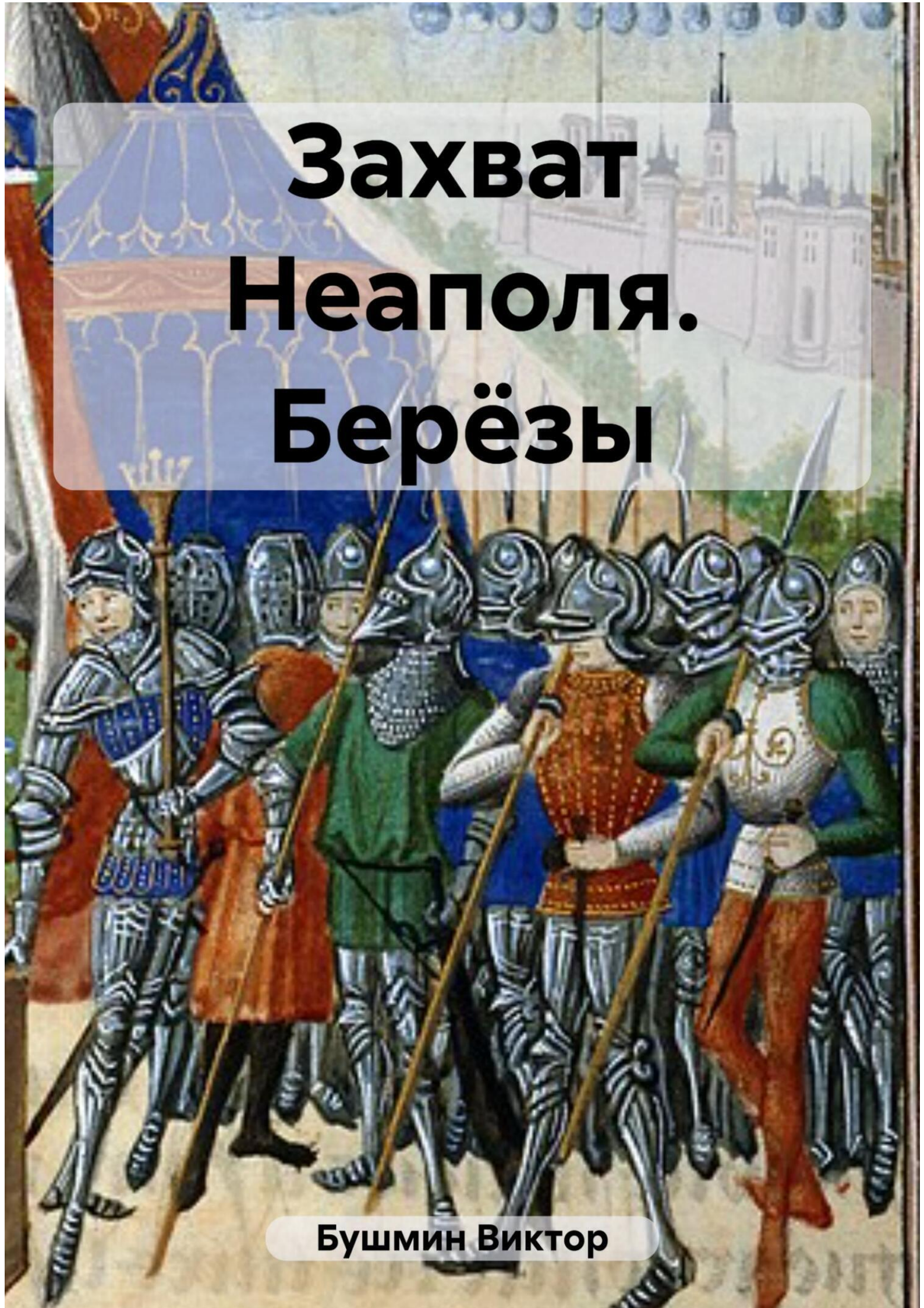

Захват Неаполя. Берёзы

Бушмин Виктор

Виктор Бушмин

Захват Неаполя. Берёзы

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Захват Неаполя. Берёзы / В. В. Бушмин — «Автор», 2023

Европа утонула в кровавых междоусобицах. Выживет ли среди всего этого безумия простой русский наемник, причудой судьбы заброшенный в армию завоевателей? Битвы, убийства, шпионаж и вероломные предательства - вот, что ожидает его...

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Захват Неаполя. Берёзы

Вступление:

Все события, о которых рассказывается в данной книге, в действительности происходили на Юге Франции, на территории северной Италии и Неаполя. Герои книги, как и большинство персонажей, являются историческими персонажами. Они жили, любили, сражались, молились и ненавидели, ничем не отличались от остальных. Эти рыцари, графы, короли или монахи, пожалуй, и от нас ничем не отличаются, правда, менее образованы, экзальтированы и более набожны, чем мы, живущие спустя почти девятьсот лет.

Римские первосвященники, утомленные и измотанные борьбой с германскими императорами из династии Гогенштауфенов, поняв, наконец, что у них одних не хватит сил и средств для продолжения этой вековой вражды, обращают свой взор к Франции, где правит набожный, но решительный и жестокий король Людовик Девятый, позднее прозванный «Святым».

Часть вторая:

«Берёзы Неаполя»

Глава I

Рука судьбы тасует колоду карт.

Перевал Сент-Готард. 30 декабря 1266г.

Два одиноких всадника осторожно пробирались через заснеженные альпийские дороги к перевалу Сент-Готард. Яркое зимнее солнце слепило глаза, вынуждая путников часто останавливаться, ведь в бескрайнем заснеженном горном спокойствии без труда можно было заблудиться. Снегопады, навалившие прямо перед Рождеством горы снега и перекрывшие перевалы, утихли, сменив свой гнев на милость, безветрие и ослепительно-пронзительную синеву неба. Лошади с большим трудом пробирались сквозь огромные сугробы, увязая по грудь в мягком, словно невесомый пух, но сковывающем движение, снеге.

– Слава Господу, – Джакомо повернул голову и посмотрел через плечо на измученную долгим и трудным переходом Беатрис, – за поворотом Сент-Готард. А я уж думал, что мы содохнем в этих проклятых снегах!..

Она посмотрела на слугу, с большим усилием улыбнулась и, поддав шпорами измученного коня, поравнялась с Джакомо:

– Лишь бы он приехал... – устало произнесла девушка, подрагивая от озноба под меховыми накидками.

– Молюсь чтобы снегопадов больше не было, синьорина! – С сомнением в голосе ответил ей мужчина. Он вынул из седельной сумки глиняную бутылку, помещенную для надежности в кожаный чехол, открыл зубами пробку и протянул ей. – Выпейте вина, синьорина! Оно немного согреет вас, а то мне, право, больно смотреть на то, как вы мучаетесь в ознобе... – Она смущенно улыбнулась, дрожащей от усталости и холода рукой взяла бутылку и отхлебнула несколько больших глотков. Она так торопилась, а руки дрожали, что невольно поперхнулась, красное вино фонтаном брызнуло из ее рта и носа. Джакомо вытер потеки вина с ее губ и подбородка, принял бутылку и с нескрываемым удовольствием приложился к нему. Терпкое вино приятно освежило рот и, попав в продрогшее тело, почти мгновенно наполнило его расслабляющей теплотой. Воин снова почувствовал свои промерзшие руки, даже смог пошевелить пальцами ног, удивившись и обрадовавшись тому, что, слава Богу, еще не отморозил их.

Она преодолели последний изгиб горной дороги и, наконец, увидели Сент-Готард. Небольшое и Богом забытое горное селение ютилось на крохотном участке относительно ровной поверхности словно в природном испуге прижавшись к холодным склонам Альп. Малень-

кий монастырь, две крохотные гостиницы, кузница, да с десятков домишек – вот, в сущности, и все селение.

– Признаться, я ожидала большего... – с удивлением и разочарованием в голосе произнесла Беатрис. – Дыра! Богом забытая дыра...

– Вот и хорошо, синьорина. – Джакомо стрелял глазами, осматривая селение в поисках чего-нибудь подозрительного.

Последние полгода, проведенные ими в почти постоянной беготне и прятках от тайной службы нового короля Неаполя, сделали из этих двух людей недоверчивых, подозрительных и нервных созданий, не веривших никому и никогда. Своими замашками и взглядами, кои они бросали на окружающий их мир, Беатрис и Джакомо стали походить на пару волков, обложенных беспощадными и опытными охотниками. Да и они сами прекрасно понимали, что долго эта бесконечная беготня продолжаться не сможет. Слишком уж мала была Италия, а тайная служба короля Шарля де Анжу, опиравшаяся на гвельфов и прочих людей, мечтавших обогатиться, словно многоглазое чудище выискивало их в самых укромных и диких уголках страны, в одночасье ставшей им чужой, холодной и злой, словно мачеха.

– Меня пугает лишь одно, – Беатрис посмотрела на Джакомо, – сколько нам придется сидеть в этой глухомани и дожидаться встречи с принцем?..

– Будем надеяться, что он уже здесь, синьорина... – пожал плечами воин. – Как мне кажется, селение спокойное...

Вот, и, слава Богу... – устало выдохнула она.

Они подъехали к ближайшей гостинице. Джакомо спрыгнул с коня и, отгоняя усталость, накопившуюся в нем за весь трудный горный переход, тряхнул головой и вошел внутрь здания. Беатрис осталась стоять на улице, зябко кутаясь в меховую накидку. В лицо ей ударил тяжелый запах жареного с чесноком мяса, винного перегара и человеческих нечистот, вылетевший из открытых дверей гостиницы.

– Бр-р-р... – поежилась она, с трудом сдерживая в себе рвотный рефлекс. – Какая дыра...

Рим. Замок Святого Ангела. За месяц до описываемых событий.

– И еще меня поразило, ваше святейшество, с каким самовольством и апломбом новый король Неаполя распоряжается ленами и бенефициями! – Кардинал, невысокий, сутулый и щуплый, но все еще бодрый старичок, презрительно скривился, изображая на своем морщинистом лице гримасу пренебрежения и возмущения. – Мало того, что Шарль всюду насаждает свои тиранические приказы, он еще и на церковные земли покушается! Это просто неслыханное дело! Он требует, чтобы все настоятели, аббаты и епископы, держащие владения в королевстве, присягали ему на верность! – Кардинал в упор посмотрел на папу Климента. – Хватит с нас Франции, где короли, вот так, чудачат уже несколько столетий! Нам теперь не хватало еще, чтобы и в Неаполе был франкский бардак!..

Климент поморщился, словно у него разболелся зуб, погладил рукой щеку и ответил, глядя в окно, за которым начинался непогожий зимний вечер. Ветер, завывая в зубцах стен и кровле башен, неприятно злил и действовал на нервы, а метель, сменившая противные дожди, пробиралась во все помещения замка, создавая мерзкие сквозняки, холод и сырость, от которых не спасали даже жарко пылавшие камины.

– Я полагаю, что данные вопросы носят временный характер... – устало ответил он, даже не удосужившись посмотреть в сторону кардинала. – Шарль сейчас занят наведением общего порядка, для него важно почувствовать себя, наконец-то, хозяином положения, только и всего. Думаю, что через годик-другой он утихомирится, все вернется на круги своя и нам не потребуется вмешиваться в дела королевства. Сарацин-то он, как я понял, утихомирил?!..

Кардинал, не ожидая такой реакции от папы Римского, съехался, словно боксер, принявший сильный удар, шумно выдохнул воздух и ответил:

– Да, утихомирил. – Он невольно вздрогнул. – в стиле покойного короля Ришара Кердельон! Помните, как он утихомирил пленных заложников под Акрой?..

– Что поделаешь... – папа Римский развел руками. – Религиозная война – дело тонкое и весьма щекотливое...

– Но позвольте! – Не унимался кардинал. – Он повыгонял из замков уйму рыцарей, графов и баронов, сделав из них разбойников, грабителей и партизан! Весь Юг Италии пылает, объятый пламенем повстанческой войны!..

– Ой, только не надо, вот так, разбрасываться громкими словами! – Климент нервно ударил кулаком по спинке своего кресла. – Пара-тройка мелких и жалких бунтов, а вы уже пришили ярлык повстанческой войны! Всегда и везде, история это помнит, покоренные страны упирались и сопротивлялись новым хозяевам! Вспомните Гильома Завоевателя! Вспомните, наконец, предков нашего покойного Манфреда, этих норманнов-захватчиков! Молчите! – Он сурово посмотрел на кардинала. – То-то и оно!..

– Простите, Ваше святейшество... – кардинал не на шутку испугался, увидев его столь резким и оживленным. – Возможно, у меня не совсем верные и точные данные...

– Э-э-э, нет! – Климент орлом посмотрел на кардинала. – так нельзя! Чем же вы тогда занимались все это время, что были в королевстве?! Пьянствовали, да по девкам бегали?!..

– О чем это вы, я не понимаю... – смутился кардинал, о котором порой просачивались слухи, правда, несколько иного характера.

– Ну, не по девкам, так содомитствовали напропалую!.. – Климент презрительно усмехнулся.

Кардинал побледнел, опустил голову и тихо забубнил:

– Я исследовал вопиющий факт пренебрежения ваших повелений, ваше святейшество...

– Ну, надо же! – Климент засмеялся и хлопнул себя по бокам. – Вопиющий факт! Мне хотелось бы узнать подробнее, что это за факт такой?!..

– Сооружение надгробия покойному Манфреду... – подавленным голосом ответил кардинал. Он потерял всякую надежду, когда внезапно услышал громкий голос папы Римского.

– Какой наглец позволил себе смелость пренебречь моим Ордонансом?! Имя и титул этого мерзавца!!!

Кардинал вздрогнул, на этот раз – от радости, что ему, наконец-то, удалось растормошить папу Римского, о котором поговаривали, что он уж больно поддерживает французов, якшается с Людовиком и закрывает глаза на выходки Шарля де Анжу.

– Его величество король Обеих Сицилий монсеньор Шарль де Анжу, де Мен и де Провен...

– Не может такого быть... – Климент озадаченно посмотрел в глаза кардиналу.

Тот их не отвел и, придав голосу спокойную холодность, продолжил:

– Именно он повелел насыпать рукотворный могильник, заставив всех воинов своей армии, пленных и местных жителей положить по камню на могилу Манфреда. И, хотя она и не находится на освященном церковью месте, этим фактом он грубо нарушил ваш приказ...

Климент закусил губу и задумался. Он прекрасно понимал, что, скорее всего, этот поступок Шарля был импульсивным, основанным на благородстве и рыцарстве, но, тем не менее, выходило так, что он действительно стал преступником. Хоронить отлученного от церкви человека, пусть и не на церковном кладбище, но с подобными почестями было равносильно плевку в лицо всемогущей католической церкви. Папа Римский изначально мечтал и планировал стереть с лица земли и из памяти людей семейство Фридриха, а выходило наоборот – Шарль создавал место для поминовения, преклонения и почитания потомков безбожного императора.

– А в довершении, ваше святейшество, он приказал называть эту могилу «скала Роз»! – вставил кардинал, упиваясь минутой победы. – Многие из местных уже поклоняются этому капищу, приносят цветы и приводят маленьких детей!..

– Все?! – Климент поднялся со своего кресла, подошел к камину и протянул к нему руки, согревая их возле горящего пламени. Он повернул голову и посмотрел на кардинала. – Больше, надеюсь, ничего страшного нет?..

– Полагаю, ваше святейшество, что и этого вполне достаточно... – ляпнул кардинал и тут же понял, что сказал лишнее.

Папа Римский гневно развернулся и крикнул:

– Мне уже порядком надоели ваши козни, направленные в угоду Арагонскому дому! Вы свободны, ваше высокопреосвященство! Можете идти! А когда выйдете от меня, срочно приглашайте ко мне... – Климент задумался на мгновение, – епископа Козенцы!

Кардинал, словно побитая собака, поклонился и спиной попятился к дверям. Он, прямо скажем, не ожидал того, как папа Римский справится с потрясением и выйдет из столь затруднительного положения. В Ватикане и римской курии ни для кого не было тайной, что Климент придерживается профранцузской линии в политике, постоянно переписывается с королем Людовиком, и именно он был отцом-вдохновителем воцарения Шарля де Анжу на престоле Фридриха.

Климент молча стоял возле камина, руки свои он протягивал к огню, словно пытался зачерпнуть его красные языки в свои ладони. Красные огоньки сверкали в его глазах, делая похожим на какого-то сказочного персонажа.

– Значит, я ошибся... – тихо произнес он, поглаживая в воздухе огонь. Приятная теплота уже согрела его ладони и ровными волнами растекалась по всему телу, перебегая от рук к туловищу, голове и ногам. – Шарль, все-таки, дурак, если так поступил...

Дверь с тихим скрипом приоткрылась, и в комнату вошел высокий и широкоплечий епископ Козенцы, которому надо было кольчугу носить, а не рясу священника. Его волевое лицо с крупным подбородком и глубокими морщинами возле лица и по всему лбу выдавали в нем властного и сильного человека, привыкшего открыто смотреть в лицо своим опасностям.

– Ваше святейшество... – он низко склонил голову перед Климентом. – Раб Божий...

Климент резко прервал его на полуслове, не позволив договорить длинную и витиеватую фразу приветствия:

– У нас беда, мой друг. Большая беда... – и он мгновенно пересказал весь разговор, состоявшийся у него только что с кардиналом. Епископ молча выслушал, ни разу не перебив папу Римского, дождался, когда он умолкнет, выдержал паузу, после чего произнес:

– Его надо срочно перезахоронить.

Климент молча кивнул головой и добавил:

– Нам не нужна еще одна святыня...

– Место должно быть глухое, малонаселенное и в стороне от больших дорог...

Климент подошел к креслу и устало опустил в него, жестом показал епископу, что и он может присесть рядом. Тот молча подошел и сел на низенький пуфик, стоявший сбоку от кресла.

– Я полагаю, что мне известно одно такое местечко... – епископ неотрывно посмотрел на папу Римского. – Это место за пределами королевства, можно сказать, в глуши...

Папа даже привстал от неожиданности. Ему нравился этот суровый и немногословный, но чрезвычайно умный и проницательный священнослужитель, способный не только внимательно слушать своего собеседника, но умело развивать ход мыслей, доводя их до разумного и логически завершенного конца.

– Наши благодарности не будут иметь границ. – Климент улыбнулся и протянул ладонь для поцелуя.

Епископ поднялся с пуфика и прикоснулся своими сухими и холодными губами к ладони первосвященника, поднял глаза и, глядя Клименту в лицо, произнес:

– Позвольте мне немедленно уехать под Беневенто, ваше святейшество?..

– Да хранит вас Господь, епископ... – Климент осенил его крестом. Епископ развернулся и направился к выходу. – Мне-то вы можете назвать место нового успокоения несчастного грешника?..

– Пустынная равнина возле слияния рек Верде и Тронто, ваше святейшество... – епископ ответил равнодушным голосом. – Это в сторону Венеции и Германии, ближе к горам...

– Да, воистину, пустыня... – Климент невольно вздрогнул. – Вы уж поаккуратней с ним...

– Я не безбожник, хотя Манфреда и не любил... – епископ грустно вздохнул. – Но священную облатку и гость святой земли я все-таки положу на его гроб...

Барселона. Королевство Арагон. Рождество 1266г.

Шестидесятилетний король Арагона Хайме Первый Завоеватель не очень любил всякого рода подковерные игры, терпеть не мог политические уловки, подлости и неясности, предпочитая открытую и честную войну с врагами королевства и веры, коих, слава Господу, в Испании было предостаточно. Вот и сейчас он был всецело поглощен своей новой войной, на этот раз со слабыми мусульманскими землями в Мурсии.

Для своих преклонных лет это был еще достаточно крепкий мужчина и рыцарь, способный вести в бой вассалов. Ум его был свеж, а память, цепкости которой мог позавидовать любой юнец, сохраняла в голове короля множество полезной информации, которую он извлекал, время от времени, ставя в тупик и откровенно удивляя своих советников, министров и рыцарей.

Всю свою жизнь Хайме Арагонский сохранял в глубине своего сердца только один ужас, преследовавший его по ночам и терзавший голову. Этим ужасом был безотчетный и какой-то животный страх перед французским рыцарством. Еще с младенчества он помнил, как горстка французов под руководством покойного ныне графа Симона де Монфора разбила на голову и убила в сражении при Мюре его отца, знаменитого Педро Католика, победителя мусульман при Лас-Навас-де-Толоса.

Поэтому, когда он слышал, пусть даже краем своего уха, что может появиться, пусть даже и мизерная возможность столкновения с французами, король сопел, кряхтел, сдерживая свои страхи, но собирался с силами и выбирал совершенно иное решение, лишь бы избежать страха, терзавшего его с детства.

Он даже на соглашение с Людовиком пошел, лишь бы не иметь возможности увидеть, как убийственно красивая французская тяжелая рыцарская конница разворачивается и начинает свой смертельный и неотразимый галоп на его войска. Хайме безропотно отказался от всей Окситании и Лангедока, на который имел совершенно законный сюзеренитет, довольствовался крохами вокруг Монпелье, лишился части Прованса, которой вот уже несколько столетий владели графы Барселоны, отдал все, лишь бы закрыться Пиренеями от этих ужасных франков.

Все страхи короля, чудесным образом видоизменяясь, превращались в неопишемую отвагу, проницательность и предусмотрительность, едва дела касались войны с мусульманами, все еще владевшими доброй половиной Испании. Здесь король, можно так сказать, находил отдушину, доказывая всем, но прежде, самому себе, что он отважен, храбр и ничего не боится. Хайме лез в самые опасные места, в первых рядах штурмовал крепости, подставляя себя вражеским стрелам, словно пытался вытравить что-то, укоренившееся и пустившее корни в его душе.

И постепенно, шаг за шагом, страх перед непобедимыми французами стал улетучиваться, заполняя пустоты души умиротворением, спокойствием и уверенностью в собственных силах. Этому в немалой мере помогли неудачи Людовика и его рыцарства в печальном и трагичном Седьмом крестовом походе, когда вся Франция собирала гигантский выкуп за короля и сеньоров, находившихся в плену у кровожадных египетских мамелюков.

Значит, решил Хайме, время пришло – мир стал меняться на его глазах, сменяя глухие тона страха яркими красками жизни, полной уверенности в себе.

Он тяжело вздохнул и машинально погладил свою седоватую, словно смесь соли и перца, бороду. Слишком уж поздно прошли его страхи, слишком уж поздно. Людовик доминирует по всей Европе, даже папы Римские, и те, сплошь и рядом его ставленники и наперсники. О том, чтобы вернуть утраченные земли Лангедока и Окситании уже не могло быть и речи – Рим мог мгновенно наложить интердикт на его королевство, а тогда – пиши-пропало. Его слишком уж свободные и избалованные парламентами и привилегиями сеньоры наверняка поднимут головы и окунут Арагон в кровавую кашу гражданской войны.

Король прервал свои раздумья и с улыбкой посмотрел на юную Констанцию – жену его старшего сына Педро. Девушка уже неоднократно уговаривала своего свекра начать войну и отобрать Неаполь у Шарля де Анжу, упирая на то, что она, старшая дочь убитого Манфреда, не была отлучена от церкви и имеет определенные права на корону.

– Сир, отец мой, – Констанция так умильно закатывала глаза и ломала руки, обращаясь к Хайме за какой-нибудь просьбой, что сердце старого рыцаря умилялось, сжималось и начинало судорожно колотиться в груди, не смея отказать столь юной и прекрасной невестке. – Этот подлый франк уже затиранил все королевство! Позвольте нам с Педро поднять знамя войны...

– Дочь моя, – Хайме нежно погладил по голове Констанцию. – По какому, скажи мне, праву ты хочешь отвоевать Неаполь и Сицилию у Шарля де Анжу? Неаполь далеко, он за морем, а Франция, – он невольно вздрогнул, его ладони вспотели, – здесь, под боком, за горами! Да и перевалы теперь держат они, а не арагонские гарнизоны...

– Я – дочь Манфреда, внучка Фридриха, я... – вспыхнула молодая принцесса, притворно надувая свои красивые пухлые губки.

– Ты, моя родная, всего лишь старшая дочь бастарда покойного императора Фридриха. – Хайме ласково посмотрел на нее и положил свою крепкую мозолистую ладонь воина на ее нежную бархатистую ручку. – Ты, Констанция, как это не прискорбно – просто дочь бастарда... – Юная принцесса покраснела и обиженно надула щеки, отведя глаза в сторону. Король испугался, что своими резкими выражениями обидел девушку. Он нежно поцеловал ее в лобик и добавил. – Тем не менее, моя золотая, мы любим тебя и почитаем нашей принцессой, женой принца крови и наследника престола, а это, поверь мне – старику, очень важное дело! Королевство и рыцарство очень любит и уважает тебя – это тоже немало!

Принцесса вскинула голову и посмотрела в глаза королю со слезами на лице.

– Мой король, мой отец! – заплакала она. – Они бросили тело моего батюшки, словно он был какая-то бездомная собака! Даже церковь не вступилась за него, запретив соборовать убитого отца!..

– Тем более, дочь моя. – Хайме понизил голос и осмотрелся по сторонам. Слава Богу, в комнате никого из посторонних не было. – Нам надо еще немного подождать, поверь. Если церковь, Рим и папа, – он сделал паузу, – пока не желают, нам тоже следует немного повременить...

– Значит, мы все-таки будем претендовать на корону моего батюшки?! – радостно вскрикнула Констанция.

Хайме снова испугался и, поднеся палец к ее губам, прошептал:

– Естественно, моя радость. Вот, пускай пока Конрадин малость побуйнит, побеспокоит Шарля, а мы уж посмотрим, чья возьмет. Если, дай Боже, он победит... – король и сам не верил тому, что говорил, – принц Конрадин слишком юн, а здоровье его, сама понимаешь, в руках Господа. Зато, после его смерти ты, моя дорогая и твой супруг – он ведь настоящий принц крови, верный защитник церкви, сможешь претендовать на корону Неаполя, сразу же вручив ее своему мужу или детям! Кстати, не пора ли нам задуматься о внуках? А?..

Констанция смущенно покраснела и, опустив глаза, прошептала:

– Мы хотели сделать вашему величеству сюрприз...

– Да ты что?! Бог ты мой! Радость-то, какая! – Он обнял невестку и поцеловал ее в лоб. – Ну, прямо скажу, обрадовала старика! Угодила! А кто, если не секрет? Или, пока еще не знаешь?..

– Няни и повитухи сказали, что будет мальчик... – скромно ответила принцесса.

– Господи, спасибо тебе! – Король упал на колени и истово помолился. – Как назовете?..

– Вашим именем, батюшка...

Король встал и прошелся по комнате дворца. Хайме подошел к камину и стал неотрывно смотреть на огонь. В голове у короля завертелась круговерть мыслей, в центре которых был Неаполь, а вместе с ним и преобладание над всем Средиземным морем, торговыми путями и, в конце концов, начало новой эры для его королевства. Ведь внуки, чья кровь, смешанная с кровью потомков Фридриха, уже приобрела королевский окрас и полностью имеет права на земли, некогда принадлежавшие их деду и прадеду.

Он развернулся и поманил Констанцию к себе. Когда принцесса подошла к Хайме, тот тихо прошептал:

– Пусть Шарль убьет Конрадина и наделает, как можно больше, проблем в Сицилии. А уж тогда, верь мне, народ сам призовет на трон истинных властителей...

– Но, батюшка, у принца нет средств на войну, а наша казна скудеет из-за войны с мусульманами Испании...

– Ты мало осведомлена, дочь моя. – Хайме снова погладил Констанцию по голове. – Есть сведения, правда, скудные и мало проверенные, что сестра убитого Анибальди, Беатриса, хранит несколько миллионов золотом для того, чтобы Конрадин смог попытаться взойти на трон Неаполя...

– Господи... – удивилась девушка, прикрыв рот рукой. – Это же колоссальная сумма...

– Нам надо, чтобы они поубивали друг друга, только и всего...

– Но, батюшка, он же мой кузен?..

– Забудь о родстве, когда речь идет о короне. Это, моя дорогая невестка, первое правило для того, кто желает надеть корону на голову... – Хайме подмигнул ей и добавил. – Никому ни единого слова. Поняла? – Констанция кивнула головой. – Даже Педро, даже в постели, даже в тот момент, когда очень хочется сказать. Поняла? – Она снова кивнула. – Я уже связался с Конрадином, правда, тайно и пообещал ему поддержку, правда, негласную и неофициальную. Понимаешь?.. – Констанция восхитилась своим свекром-королем. До сего момента он казался ей букой, нелюдимым и откровенно недалеким человеком, но сейчас перед ней представал совершенно иной человек – гордый, умный, проницательный политик, отважный интриган и рыцарь. Хайме словно вырос в ее глазах. Король снова приветливо улыбнулся и произнес. – Шарль будет вынужден так обложить податями и налогами народ, что, клянусь, у того не хватит силенок вынести столь тяжкое бремя, да и недовольных сеньоров пруд пруди... – Он подмигнул ей. – Немного подождем, совсем чуть-чуть. Корона сама свалится нам на голову, вернее сказать, вам, дети мои. В жизни, прежде всего, надо уметь ждать...

ГЛАВА II.

Ночь, перевернувшая все.

Сент-Готард. Гостиница. 30 декабря 1266г.

– Синьорина, слава Богу, есть две свободных комнаты. – Джакомо, улыбаясь, вышел из дверей гостиницы. – Они на самом верху, почти под крышей. Я уже приказал раскрыть окна и проветрить их, дабы ваш нос не учуял столь мерзких запахов, кои и меня, бывшего воина, ставят в неловкое положение...

Беатрис улыбнулась и, зажав своими нежными пальчиками нос, вошла в гостиницу и стала подниматься по крутой и скрипучей лестнице. Комнаты, расположенные на самом верху и в дальнем углу длинного коридора, были, откровенно говоря, убогими, скудно обставлен-

ными и какими-то серыми, словно многовековая пыль уже окончательно въелась в мебель, стены и полы, придав им свой тусклый и несколько грустный фон.

– Купальни нет, синьорина, но я уже распорядился, чтобы в моей комнате установили большие лохани с кипятком и холодной водой. – Воин деловито раскладывал пожитки, извлекая их из дорожных мешков и сумок. Служанкам я уже отдал два ваших платья, пусть погладят, почистят и приведут их в порядок...

– Спасибо, Джакомо... – девушка устало повалилась на постель. – Ступай, отдохни с дороги сам, я управлюсь как-нибудь...

Джакомо выпрямился, отложив раскладывание вещей, улыбнулся и пошел к выходу из комнаты, обронив на ходу:

– Как вода согреется, я пришлю за вами служанку...

– Хорошо... – ответила она, и устало закрыла глаза.

Когда дверь с тихим скрипом затворилась, девушка попыталась немного вздремнуть, но сон как-то не шел, наполняя вместо себя сердце и голову переживаниями и волнениями, плодившими у Беатрис горы страхов и откровенных кошмаров, усиленных усталостью и постоянными нервными перегрузками.

Немудрено, ведь последние месяцы прошли в постоянном страхе быть пойманной и казненной, а ведь у нее еще был неоплаченный долг мести к королю Шарлю и Ги де Леви, которого, сама того не понимая, она причислила к главным виновникам гибели брата и своего возлюбленного Лучано. Мечь, свивая свои длинные кольца, словно змея гнездилась в сердце Беатрис, не давая ни на секунду покоя и, отчасти, подпитывая ее энергией, давая возможность существования и оберегая ее мозг от сумасшествия.

Действительно, куда проще было бы взять, да и укатить в дальние края с такой огромной суммой денег, или, в конце концов, согласиться выйти замуж за Фридриха фон Бадена. Куда проще остепениться и стать светской львицей, проводя дни на балах, званых приемах, ассамблеях или турнирах, где ее красота могла быть по достоинству оценена рыцарством Германии и всей Европы, нарожать кучу детей...

Ан, нет! Мечь требовала от нее постоянной беготни, траты нервов и накопления злости, привязывала к себе крепкими и неразрывными путами, словно наркотик наркомана, делая девушку зависимой от нее ежесекундно, ежечасно и ежедневно. Даже в редкие дни или недели относительного спокойствия, когда, казалось, можно было расслабиться, отдохнуть и накопить сил, именно в это время Беатрис металась, словно тигрица в клетке, изнемогая от этой звенящей тишины, наполнявшей ее голову буквально колокольным звоном, требуя немедленных действий, переездов и новой беготни. Она инстинктивно догадывалась, что это неправильно, но настолько привыкла к постоянным стрессам и нервным испытаниям, что вся сущность требовала новых и новых передвижений, ведь только тогда она была способна трезво мыслить, оценивать ситуацию и принимать правильные решения. Стресс, возведенный в степень, стал смыслом всей ее жизни.

Звонящая тишина гостиницы, спрятавшейся в труднодоступной части Альп, начинала выводить из себя, сон не приходил, а в голове калейдоскопом мелькали разные мысли, обрывки фраз и воспоминаний, перемешиваясь в причудливую мозаику, мешавшую нормально отдохнуть.

Девушка свернулась калачиком и, поджав под себя ноги, попробовала успокоиться, немного согреться и, возможно, соснуть часик-другой. Она укрылась тяжелым меховым покрывалом, лежавшим на постели, вдохнула ноздрями свежий морозный воздух, витавший в проветренной комнате, и, как-то незаметно для самой себя задремала, погружившись в спокойный сон...

Она снова увидела себя юной девочкой, игравшей с куклами в старом парке их родового замка, пристроившись в тени огромного апельсинового дерева. Беатрис была молода, счастлива и беззаботна...

Стук в дверь разбудил ее, мгновенно вырвав из сладких объятий сна. Девушка приподнялась на постели и ничего непонимающим взглядом окинула комнату гостиницы. Сознание медленно возвращалось к ней, а вместе с ним и горечь от понимания того, что детство, приснившееся ей в коротком сне, уже никогда не вернется к ней.

– Синьорина, служанки уже нагрели воду... – Джакомо заглянул к ней в комнату, что-то жуя во рту. – Я пройду пока по селению, посмотрю, что и как...

Она молча кивнула и, зевая, направилась в соседнюю комнату, где служанки заканчивали приготовление импровизированной купальни. Беатрис проворно разделась и осторожно окунулась в горячую воду, пахнущую ромашкой и еще чем-то едва уловимым, напоминавшим мед.

– Благодарю вас, я привыкла мыться сама... – с улыбкой произнесла девушка, отпуская служанок из комнаты.

Приятная теплота немного отогрела и успокоила ее. Беатрис стала промывать свои густые волнистые волосы, старательно расчесывая их гребешком...

Принц Конрадин в сопровождении своего верного рыцаря Рихарда фон Блюма подъехал к Сент-Готарду поздним вечером, когда уже вовсю смеркалось и на черноте ночного неба, то тут, то там, появлялись и вспыхивали маленькие искрящиеся звездочки, усыпавшие бархат ночи бриллиантовыми искрами. После серии разговоров с графом Фридрихом фон Баденом принц совершенно потерял покой. Еще бы! Два миллиона во французском золоте! С такими деньжищами можно не только Неаполь вернуть, но и на Каир выступить! Голова молодого пятнадцатилетнего принца буквально кругом шла, переполняясь всяческими радужными мечтаниями, одно краше и смелее другого. Он с большим трудом вытерпел пятимесячное ожидание встречи с молодой итальянкой из знатного семейства Анибальди, которая, по смутным и путанным рассказам графа, специально придержала для принца эти огромные деньги, исполняя волю погибшего брата и покойного ныне короля Манфреда.

Рихард проворно спрыгнул с коня и постучался в двери первой же гостиницы, попавшейся им в селении. Радости не было предела – знатная итальянка в сопровождении воина-слуги сегодня утром остановились именно тут.

– Господь воистину милостив к нам... – удивленно произнес Рихард, на всякий случай, проверяя легкость извлечения меча из ножен. Старый воин был недоверчив и подозрителен по природе, доверяя лишь самому себе и своему верному мечу, прошедшему с ним множество битв и спасшего его жизнь не один раз.

– Мне просто не терпится поскорее увидеть эту благородную синьорину и воочию убедиться в том, что мечты могут сбываться не только во снах, но и наяву. – Глаза принца горели искрами счастья, надежды и каким-то особенным, фамильным, блеском, напоминая Рихарду его покойного отца Конрада. – Господи! А я, признаться, почти потерял надежду...

– Давайте-ка, мой принц, немного повременим с радостью... – Рихард был скептиком по натуре, что к купе с его природной недоверчивостью частенько помогало ему и спасало во многих опасных ситуациях. Он спрыгнул с коня и постучался в закрытые двери гостиницы. – Погодите меня здесь, за дверями... – Он вошел внутрь, пробыл там несколько мгновений, которые показались нетерпеливому Конрадину тысячелетием, вышел и с улыбкой произнес. – Слава Иисусу! Они здесь, прибыли утром...

Конрадин радостно присвистнул и слез с коня, размял свои немного затекшие ноги и, поправив одежды, вошел в гостиницу.

Большой обеденный зал был практически забит до отказа, лишь за тремя дальними столиками разместились несколько усталых путников и паломников, сосредоточенно поедавших

незамысловатую пищу – за остальными же разместились веселые и шумные компании. Тяжелый и спертый воздух ударил в нос Конрадину, он поморщился и посмотрел на Рихарда.

– Идемте наверх, ваше высочество... – тихо произнес воин, указывая головой на крутую лестницу, расположенную в дальнем углу зала гостиницы. – Они расположились прямо под крышей, в конце коридора.

Конрадин молча кивнул, прошел через зал и стал подниматься по лестнице. Рихард обогнал его и, сняв со стены смолистый чадающий факел, пошел впереди принца, освещая дорогу и служа живым щитом на случай опасности. Они быстро взбежали по скрипучим деревянным ступеням и очутились в полутемном и длинном коридоре. Принц присмотрелся и увидел высокого мужчину, который явно охранял кого-то, стоя возле закрытых дверей комнаты, располагавшейся в конце коридора.

Конрадин и Рихард приблизились к нему, немец вышел вперед и тихо произнес:

– Его королевское высочество принц Конрадин желает видеть синьорину Беатрис...

Итальянец молча поклонился принцу и отошел в сторону, пропуская Конрадина к дверям комнаты. Принц открыл дверь – петли противно скрипнули. Он вошел в комнату и прикрыл за собой дверь, оставляя Рихарда и Джакомо охранять комнату снаружи.

Привыкнув к свету, ярко горевшему в комнате, Конрадин увидел красивую молодую девушку, сидевшую в кресле возле стола, накрытого всевозможными яствами, которые Джакомо сумел купить в гостинице и селении. Красота Беатрис так поразила Конрадина, что он несколько минут стоял, словно окаменевший, нелепо хлопая своими пушистыми ресницами.

Девушка встала и, низко поклонившись ему, тихим, но чрезвычайно мелодичным голосом произнесла:

– Да хранит вас Господь, ваше высочество...

Конрадин покраснел и ответил что-то невпопад, все еще смущаясь столь красивой девушки. Он был молод, но крайне неопытен во всем, что касалось общения с противоположным полом. Величавость и неземная красота Беатрис давали на его плечи и сжимали сердце, превращая юношу и неловкого и смущенного человека.

– Добрый вечер, синьорина Анибальди... – с трудом произнес он в ответ.

Она приветливо улыбнулась, обнажив ровные ряды белоснежных зубов. Ее пылающие красные губы, которым так шла улыбка, произнесли еще несколько вежливых приветствий, которые он не расслышал, утопая в ее бездонных глазах.

– Прошу вас присаживаться за стол, мой принц... – Беатрис мило колыхнула длинными и пушистыми ресницами. – Вы, должно быть, устали с дороги и проголодались? Нет ничего лучше, чем за приятным ужином обсудить все...

– Да-да, синьорина... – Конрадин смущенно потупил взор, неловко отодвинул стул и неуклюже сел на него.

Его рука потянулась к кувшину с вином, но девушка мило прикоснулась к его ладони и тихо сказала:

– Позвольте, мой принц, я сама поухаживаю за вами...

Он покраснел, сделавшись пунцовым от смущения и неловкости, промычал что-то невпопад и закивал головой. Беатрис поняла, что он попал под действие ее неотразимых чар красоты, улыбнулась и, разлив вино по кубкам, села напротив Конрадина. Свечи, горевшие в канделябрах, смешиваясь с переливчатым и мерцающим светом камина, выгодно освещали ее, делая просто неотразимой и обворожительной.

Конрадин залпом выпил вина, вытер рукавом свои пухлые губы и попытался выдать из себя какой-нибудь комплимент, но Беатрис улыбнулась снова и, приложив свой нежно пахнущий пальчик к его губам, смущенно произнесла:

– Не надо пустых слов, ваше высочество. – Она увидела, как он смущенно и растерянно посмотрел по сторонам, снова улыбнулась и добавила. – Я привезла вам очень приятные ново-

сти... – Конрадин с облегчением выдохнул и посмотрел на нее, но, тут же смутился, и снова опустил их. Беатрис весело засмеялась. – Два миллиона золотом ожидают вас, мой принц! Деньги ждут своего повелителя...

Конрадин устало прислонился к спинке стула. Голова зашумела, словно он выпил много вина, но, вместе с этим чувством, сознание принца наполнила радость, переполняя его голову и выплескиваясь наружу ярким блеском повеселевших глаз.

– Но, как вам это удалось, синьорина Анибальди?.. – это, пожалуй, единственное, что он смог вымолвить.

Беатрис разом погрузилась, сделалась серьезнее и, пожалуй, печальнее, что сразу же отразилось на выражении ее прекрасного личика.

– Я просто исполняю волю моего погибшего брата, только и всего... – Конрадин хотел, было, расспросить девушку, но, увидев ее печальные глаза, полные тоски и отчаяния, сдержался и как-то виновато улыбнулся, неуклюже пожал плечами и что-то неразборчиво пробубнил себе под нос. Беатрис поняла, что его интересуют многие подробности, и принц хотел бы услышать обо всех перипетиях и приключениях героической девушки. – Это очень длинная и, поверьте мне на слово, крайне печальная история. Прошу вас, ваше высочество, не давите на меня, когда-нибудь я сама расскажу вам, если того потребуют обстоятельства. Скажу лишь, что я ни единой секунды не сомневалась в правоте и верности цели, которой посвятила свою жизнь...

Конрадин встал, подошел к ней и, наклонив голову, вежливо поцеловал руку девушки, выразив ей свое почтение и уважение. Он снова сел и произнес:

– Я восхищаюсь вами и преклоняюсь перед вашим мужеством. – Он посмотрел на нее открытым взглядом своих пронзительных голубых глаз. – Не подумайте ничего плохого, но именно такой я и мечтал бы увидеть свою королеву...

Беатрис на мгновение вспыхнула, ее щеки зарделись стыдливо-смущенным румянцем, опустила глаза и ответила:

– Это самый величественный комплимент, который я слышала в своей жизни, ваше высочество...

Конрадин и сам смутился своим слишком уж искренним словам, опустил глаза и тихо добавил:

– Вы – просто ангел небесный, синьорина Беатрис...

Она смутилась еще больше и ответила, нервно теребя пальцами салфетку:

– К несчастью, ваше высочество, я не ангел...

Принц вскочил и, краснея от переполнявших его чувств, произнес:

– Нет-нет! Мне абсолютно все равно, что судачат о вас! Для меня вы... – он опустил глаза, – олицетворение всего самого красивого, неземного и верного, что я видел и, надеюсь, еще увижу в своей жизни!

– К несчастью, я стара для вас... – Беатрис впервые за свою жизнь поняла, что жалеет о своих годах, смущается и ненавидит свой возраст. – Мне уже за двадцать, вам же...

– Скоро будет шестнадцать! – Громко крикнул он, прижимая кулак к своему сердцу. – Подумаешь, какая разница в возрасте!..

– Ой, не надо, умоляю вас, принц, вы смущаете меня и, право, заставляете краснеть...

– Прекрасная Беатрис! Я стал все больше и больше верить в знаки, которые судьба посылает нам на протяжении жизни! Мне кажется, что именно вас мне ниспослали небеса...

– Скорее всего, ад... – тихим голосом ответила Беатрис.

– Господи! Да какая, в сущности, разница! Вспомните, синьорина, что даже король Англии Генрих Плантажене взял себе в жены синьору Элеонору, которая была старше его на целых одиннадцать лет! А юный Гвельф, он женился на Матильде Тосканской, а ведь она тоже была старше своего супруга!..

Беатрис прервала его длинную тираду:

– Мой принц, прошу вас, не надо столь долгих перечислений. – Она тяжело вздохнула. – Мое сердце занято мстостью за погибшего брата и возлюбленного...

Конрадин смутился еще больше, он в растерянности посмотрел по сторонам, словно искал незримый совет, как и что делать дальше, но, не найдя ничего, он склонил одно колено перед столь стойкой и мужественной девушкой, поднес ее холодную ладонь к своим губам и, целуя, прошептал:

– Я буду ждать вас, моя прекрасная синьорина Беатрис. Буду ждать столько, сколько потребуется, но, клянусь вам, что, когда я вступлю в Неаполь, первым же делом женюсь на вас. Пусть все люди видят и знают, что их новый король не лишен любви и его сердце открыто для вас и всех подданных Неаполя...

– Благодарю вас, вы – настоящий рыцарь... – Беатрис встала перед ним на колени и поцеловала принца долгим, но достаточно холодным поцелуем. Их взгляды пересеклись...

Конрадин крепко прижал ее тело к себе, упиваясь нежными ароматами, исходящими от волос и кожи девушки. Его голова кружилась, а сердце с каждым ударом билось все чаще и чаще, словно намеревалось вырваться из груди и вылететь, наполняя комнату и ущелье Сент-Готарда могучей и красивой песней любви.

Принц поднял ее на руки и понес к постели, Беатрис слабо сопротивлялась, смутившись столь напористому поведению молодого наследника. Они упали на мягкие перины постели. Девушка прикрыла глаза, и в этот момент Конрадин прошептал, смущаясь и стыдясь своей невинности:

– Беатрис, вы будете моей первой и единственной на всем белом свете...

Она нежно обняла его, прижимая кудрявую голову Конрадина к своему телу. Робкие, словно стеснительные, касания рук и губ молодого принца снова напомнили Беатрис о том, как приятно быть любимой, быть для кого-то самой нужной и единственной, неповторимой и влекущей. Эти нежные прикосновения и смущенные ласки наполняли ее сердце теплотой, пробуждая его к ответу.

– Я жизнь отдам за тебя... – прошептал, задыхаясь от волнения, Конрадин.

– Лучше сбереги ее для меня... – ответила она, приняв к нему долгим и страстным поцелуем...

Два воина, сидевшие возле закрытых дверей комнаты, молча переглянулись, услышав звук падающей посуды. Джакомо грустно улыбнулся, разлил вино по бронзовым стаканам и, протягивая один из них Рихарду фон Блюму, с улыбкой произнес:

– Останемся здесь до утра.

Рихард весело засмеялся и ответил:

– Да, пожалуй. – Он посмотрел на снедь, приготовленную запасливым итальянцем, оглядел оценивающим взглядом несколько больших кувшинов с вином и добавил. – Ночь, как я полагаю, будет не скучной...

ГЛАВА III.

Шарль в растерянности.

Неаполь. Королевский дворец. За 3 дня до описываемых выше событий.

Огромная и просторная комната королевского дворца была буквально наполнена нервозностью, каким-то подсознательным животным испугом и непередаваемым ощущением растерянности. Приблизительно так должен чувствовать себя какой-нибудь несчастный моряк, потерпевший кораблекрушение и судорожно цеплявшийся за обломок мачты, видя расширенными от ужаса глазами, как на него накатывается огромная и безжалостная волна, готовая поглотить его и утащить на дно.

Новый король Обеих Сицилий всю неделю, следующую за Рождеством, чувствовал себя приблизительно так. Он не видел никакой опасности, но сердце его постоянно сжимали сталь-

ные тиски какой-то неизвестной неизбежности, причем, явно несущей ему ничего хорошего, скорее наоборот.

Казначей короны Гоше де Белло молча хлопал своими глазами, но не решался произнести вслух ни единого звука, а Лука де Сент-Энъян, понимая, что король сейчас не в том расположении духа, чтобы выслушивать о проблемах и новых неудачах, вызванных бесплодными поисками пропавшей Беатрис и легендарных сокровищ ее брата, повернул голову в сторону, занимаясь рассматриванием силуэтов ласточек и чаек, мелькавших в витражном окне и оглашавших своими протяжными и тоскливыми криками окрестности дворца.

– Гоше, почему мы молчите?! – Шарль де Анжу пристально посмотрел на казначея. – Где обещанные поступления в казну?! Чем мне рассчитывать перед братом Людовиком?! Ухо, что ли, отрезать?!..

– Сир... – проблеял в ответ перепуганный казначей. – Это просто небольшая задержка, только и всего...

– Только и всего?! – Шарль сделался пунцовым от злости. – Учтите, Гоше, что если я и решусь отрезать уши и отослать их моему брату-королю, то это, простите за хамство, будут, прежде всего, ваши ушки, мой бестолковый и бездарный казначей!.. – Гоше побелел от страха, отступил несколько шагов назад и машинально дотронулся левой рукой до своего уха. Лука тихо хмыкнул, увидев такой испуг у казначея, но король уже перевел свой взгляд на начальника тайной службы и личной охраны, сердито насупил брови и произнес, стараясь придать своему голосу наибольший цинизм. – Боже мой! Мессир Лука усмехается над страхами моего казначея! – Лука инстинктивно вжал голову в плечи, ожидая разноса со стороны Шарля де Анжу.

Король же медлил, оглядывая статную фигуру рыцаря, он словно взвешивал что-то в своей голове. Наконец он усмехнулся и произнес:

– Нечего ухмыляться, пора рассказывать, до каких это пор я буду сидеть возле разбитого корыта, и слушать байки о неуловимой девице, умыкнувшей несколько миллионов золотом у меня из-под носа и отирающейся, как я понял из твоего взгляда, незнамо где?!..

Лука набрал в рот воздух, но вместо ответа лишь что-то промычал, причем, довольно неразборчиво.

Гоше де Белло с явным облегчением вздохнул – король нашел себе новое приложение для вымещения накопившейся злости.

Шарль нервно дернул за кожаный шнурок своего пурпуэна и зло сжал губы, сузив их до маленьких посиневших щелочек, морщинки покрыли уголки глаз, выдавая напряжение своего хозяина.

Лука помялся с ноги на ногу, посмотрел по сторонам, словно ища у кого-то защиты, вздохнул и, опустив голову, произнес:

– Вы полностью правы, сир. Мы упустили ее снова... – он посмотрел глазами побитой собаки, привыкшей к незаслуженным пинкам и ударам от своего хозяина. – По последним сведениям, ваше величество, оная Беатрис убыла на генуэзском торговом судне толи на Кипр, толи в Афинское герцогство...

– Толи, толи... – Шарль устало закрыл глаза. – Надоело! Я выделяю из практически пустой казны уйму денег для ваших наймитов и соглядатаев, а в ответ слышу только мычание... – король пристально посмотрел в глаза Луке. – Порой мне кажется, что от коровы и то больше толку! Она, помимо мычания, еще и молоко дает...

– Сир, вы несправедливы ко мне и моим людям. – Лука понял, что король начинает успокаиваться, поэтому решил высказаться. – Я уже потерял восемь надежных агентов, зарезанных этой чертовкой и ее слугой, которого считаю сущим дьяволом. И вообще, сир, я все еще не верю в существование легендарных миллионов в золоте, о которых уже сложено столько небылиц, что...

– Ваше дело, мессир де Сент-Эньян, – король резко перебил его, вскакивая с кресла и потрясая в воздухе кулаками, – исполнять мою волю, а рассуждение о смысле бытия и деяниях прошу оставить дома, а не притаскивать их к моим ушам! Насколько мне не изменяет память, – Шарль едко скривился, – она уже бывала в ваших руках...

– Да, сир, и вы приказали отпустить ее восвояси... – не преминул ткнуть Шарля в его же ошибку Лука. – Она была у меня в руках...

– Надо было напрячь голову и догадаться выставить за ней тайных агентов!.. – Король направился к выходу из комнаты, роняя на ходу. – Вместо этого вы, мессир, сопли жевали...

Лука раскрыл от изумления рот. Он не смог найти никаких слов, и был настолько поражен столь резкими словами своего короля и, мало того, приятеля детства, что просто окаменел. Гоше де Белло, понимая, что и ему может влететь по первое число, отступил назад и спрятался за широкой спиной де Сент-Эньяна, полагая разумно, что выгоднее смолчать и остаться при своих, нежели высказаться против короля и получить такой нагоняй, от которого мало не покажется.

Шарль понял, если он не выйдет из комнаты и не переложит всю свою злость на кого-то другого, его верным помощникам придется очень туго, ведь приступы его ярости, злости и неконтролируемой агрессии начинали тяготить самого короля.

Он взялся за ручку двери и потянул ее на себя, намереваясь выйти в коридор дворца, но внезапно столкнулся с молодым рыцарем, одетым в цвета папских войск. Юный рыцарь, которому едва перевалило за шестнадцать лет, испуганно уставился на него, онемев от изумления и неожиданности.

Шарль упер руки в бока и пристально посмотрел на него, пронзая рыцаря насквозь своим неотрывным, тяжелым и сверлящим взглядом. Рыцарь побледнел и упал на колени, протягивая пергамент, скрепленных красной лентой и большой сургучной печатью с изображением ключей от ворот Рая. Король зло усмехнулся, качнул головой и резким движением сорвал печати, разворачивая пергамент. Он еще раз посмотрел на рыцаря, который едва не потерял сознание, перепугавшись столь грозного вида короля Неаполя, после чего стал читать послание, меняясь на глазах по мере того, как осиливал латинский текст письма. Он несколько раз бросал взоры на посланника, топтался с ноги на ногу, кряхтел и краснел, сдерживая злобу и ярость, клоко-тавшие внутри него, после чего вошел обратно в комнату и с силой захлопнул дверь прямо перед самым носом растерянного рыцаря.

Лука и Гоше, которые уже потихоньку стали отходить после страшной взбучки, с ужасом переглянулись между собой и, раскрыв рты от изумления, молча уставились на короля.

Он подошел к ним, хотел, было, что-то сказать, но лишь вздохнул и в сердцах взмахнул бумагой, прошел к креслу и плюхнулся в него, вытягивая свои ноги, обутые в высокие сапоги рыжей испанской кожи. Золотые шпоры противно и как-то виновато звякнули о каменные плиты пола, после чего наступило гнетущее молчание.

Шарль молча сопел, закрыв глаза. Его рука, сжимавшая скомканный пергамент, нервно подрагивала, выдавая потрясение прочитанным известием.

Лука переглянулся с казначеем Гоше и тихо приблизился к королю, склонился над ним и прошептал:

– Сир, что бы ни случилось, можете располагать нами пока у нас, еще бьются сердца...

Шарль открыл глаза и невидящим, словно растерянным, взглядом посмотрел на него, потом молча протянул пергамент и сказал:

– На. Почитай на досуге... – он надул губы. – Весьма поучительная история о том, как один папа ткнул носом в навоз не в меру расшалившегося королишку...

Лука взял пергамент, осторожно расправил его и кивком головы подозвал Гоше де Белло. Они уставились в послание и, медленно шевеля губами, стали читать его. Лица их вытягивались и стали походить на карикатурные изображения, настолько они были потрясены.

– Сир. – Гоше грустно покачал головой. – Может он в чем-то и прав, а?..

– Да ты что, обалдел?! – Шарль вспыхнул, сверкая страшными глазами. – Этот прыщ еще будет меня, сына короля Франции, учить уму-разуму?! Ему, видите ли, не понравилось то, с какой рыцарской галантностью я обошелся с телом убитого Манфреда! Он, видите ли, отлучил его от церкви, а я, значит, должен был, словно поганый наемник, бросить его тело на съедение воронам и оставить без простого погребения!..

– Вы во всем правы, сир. – Лука положил руку на плечо короля. – Рыцарь должен всегда чтить смерть своего врага. Особенно, если он погиб, как и подобает настоящему воину. – Лука гордо вскинул голову. – С мечом в руках и впереди своей армии, а не в пьяном угаре где-нибудь в тыловой палатке! Плевать я хотел на этого папу и его посланников! Вот, сейчас, возьму, да и набью морду этому прыщу, что посмел привезти столь похабное письмо!

Он развернулся и решительной походкой направился к дверям, но Шарль остановил его:

– Остынь! Он совсем ребенок! У него на усах лишь скромный пушок... – король скрипел. – Климент хитрец – он все предугадал, поэтому и послал юнца! Рыцарь ребенка не обидит, хотя, видит Бог, следовало бы...

– И что же мы будем делать?.. – Гоше вставил робкое словечко.

– Снимать штаны и бегать! – Резко огрызнулся на него Шарль. – Гоше, право, какой же ты порою идиот! Матерь Божья! Даже слов нет... – казначей побледнел и стал белым, словно чистый снег в горах. – Папа Римский своим письмом налагает на меня и королевство епитимью! Он предписывает мне в годичный срок отправиться в искупительный крестовый поход! Он, что, не понимает, что мне нельзя сейчас покидать границы своего королевства? Бред какой-то, да и только! Я понимаю, если хотя бы через два или три года, но сейчас?!

Король посмотрел на Луку, на этот раз уже более спокойным и взвешенным взглядом. Рыцарь напрягся, ожидая неожиданного вопроса.

– Как там Конрадин? Он, случаем, не ринется в наши пределы, пока я буду воевать во славу Христову?..

Лука вздохнул с облегчением, как ему казалось, здесь он полностью контролировал ситуацию:

– Принц оставил затею выступить в поход за короной своего отца и дяди. Он, похоже, смирился и притих, охотясь в горах Южной Германии. Мои люди сообщают мне, что он серьезно мается грудью и кашляет, того и гляди, может разыгаться чахотка... – Лука облегченно выдохнул и расправил плечи. – Здесь нам нет угрозы.

– Надеюсь, хотя бы здесь ты прав... – Шарль грустно улыбнулся. – Он, случаем, никуда не уезжал или не собирается уезжать? – Внезапно спросил король.

– Да нет, вроде бы... – Лука пожал плечами в ответ.

Король удовлетворенно потер руки и обратился к казначею:

– Отпиши слезное письмо моему брату Людовику и попроси его заступиться за меня перед Климентом. Второе, – он поднял палец к небу, – отпиши самому папе Римскому, что мы смиренно подчиняемся его воле и начинаем готовить армию к походу. Только, – он хитро подмигнул казначею, – пусть он пришлет нам Ордонанс или Буллу, где позволит взимать десятину со всех его приходов, аббатств, монастырей, церквей и... – Король Шарль засмеялся, – короче, со всего, что приносит доход... – Лука засмеялся, Гоше тихонько крикнул. – Посмотрим, как сам папа Римский посмеет нарушить собственные Указы о поддержке крестоносных армий, формируемых в Европе для освобождения Святой земли от неверных!..

К вечеру оба письма были написаны, запечатаны и отправлены по адресатам. Шарль де Анжу, сам того не понимая, своим торопливым и глупым письмом настолько разозлил папу Климента, что этого не могли не заметить все гибеллины, прятавшиеся в городах северной Италии. Восстание, словно пожар в торфяниках, разгорался очень тихо, осторожно и медленно, но, когда он вылезет наружу, его уже ничем не потушить! Вместо примирения Шарль получил

рассерженного папу Римского, встревоженные города и ненадежное местное население, начавшее уже изнемогать под бременем тяжких налогов, введенных новой властью Неаполя...

Конрадин, окрыленный любовью прекрасной Беатрис, вернулся в Швабию только к концу января и был потрясен еще одной приятной новостью – папа Римский наложил наказание на Шарля де Анжу. Но больше всего принца обрадовало другое известие – в большинстве городов северной Италии стали поднимать головы недобитые гибеллины, образуя новые очаги заговоров против гвельфов, папской власти, превратившейся к этому моменту в обыкновенную тиранию и абсолютизм.

Уже в феврале, марте и апреле к нему стали прибывать тайные посланники, сулившие буквально золотые горы и уговаривавшие Конрадина немедленно выступить в Италию. Принц, как и советовала Беатрис, отнекивался, отмалчивался и старательно изображал из себя дурачка, интересующегося лишь охотами да забавами. Время еще не настало, да и Беатрис еще не подала весточку о том, что добралась до Италии нормально и ей не угрожает опасность. Приходилось врать всем и ждать, мучительно, томительно и невыносимо. Приходилось обманывать несчастных посланников и слушать из их уст весьма нелестные отзывы о себе, граничащие с откровенными проклятиями. Конрадин долго плакал ночами, вгрызаясь зубами в подушки, словно пытался выместить на них всю свою злобу за вынужденное бездействие, а утром он уже снова был тем самым «недалеким юнцом, от которого проку мало и который не желает короны Неаполя», как писали в своих тайных депешах агенты папы Римского и короля Шарля де Анжу. Он только и делал, что усыплял всеобщее внимание, надеясь, что оно, наконец, затихнет и предоставит ему большую свободу действий.

ГЛАВА IV.

Как Ги де Леви отправился на поиски сокровищ, но нашел невесту для сына и титул наследственного маршала графа де Фуа.

Замок Мирпуа. Южная Франция. 22 марта 1267г.

Ранним и погожим весенним утром Ги де Леви вместе с группой рыцарей, оруженосцев и загонщиков отправился на охоту. Грязь и слякоть превратила лесные дороги, которые и в летнее время годы не баловали путников ровным покрытием, превратились в сплошные грязные трясины, в которых кони застревали почти по колена, а в некоторых местах, превратившихся в болота или озера с грязной жижей, по грудь. Весенняя прохлада забиралась под теплый гамбезон и меховую короткую охотничью накидку, пронизывая просто могильным холодом и продирая всадников до костей.

После нескольких загадочных смертей, унесших жизни его повара, виночерпия и хлебодара, Ги де Леви всерьез задумался над возможностью угрозы его жизни. Слухи о вендетте, которую ему непонятно за что (так он полагал) объявила Беатрис Анибальди, Ги стал более внимательно и придирчиво следить за всеми приготовлениями пищи, заставляя крестьян из соседней с замком деревни поочередно пробовать еду, приготовляемую в замковой кухне. Пока, слава Богу, смерти миновали его подданных, но постоянно заставляли оглядываться на каждый посторонний или подозрительный шорох, звук, а проезды путников, паломников и иноземцев стали вызывать в нем приступы подозрительности и раздражительности. Рыцарь стал замечать, что его настроение, которое раньше было веселым и жизнерадостным, немного изменилось в худшую сторону и стало мрачноватым, а веселость незаметно превращалась в ворчливость, раздражительность, что порой страдали его жена и дети, попадавшиеся ему «под горячую руку».

– Так больше продолжаться не может... – решил он как-то вечером, увидев, как заплакал его сын, а дочери испуганно прижались к матери, смотревший на него удивленными и испуганными глазами. Вспышки его гнева, становящиеся неконтролируемыми и внезапными, пугали семью, рыцарей и челядь замка. Ги выдохнул, сжал руки в кулаки и, собравшись с мыслями, немного успокоился, выдавил виноватую улыбку и, попросив прощения за свою несдержан-

ность, вспомнил о многочисленных жалобах крестьян на расплодившихся диких кабанах, перекопавших их озимые и осмелевших настолько, что нападали на отдаленные хлева и амбары, в которых хранилось зерно и овощи. – Завтра назначаю большую охоту на кабанов! – Рыцарство сразу зашевелилось, но все еще смотрело на своего хозяина с опаской. Ги снова улыбнулся и произнес, словно оправдываясь перед всеми. – Что-то я стал хандрить, мессеры. Прошу еще раз прощения, видимо, стали годы сказываться...

Рыцари заулыбались, приняв слова де Леви на веру, а жена и детишки приблизились к нему и обняли своего мужа и отца.

– Что-то я устал, дорогая... – Ги нежно поцеловал Изабель. – Устал...

– Скорее всего, милый, ты просто соскучился по своей проклятушей войне... – всплакнула она, вытерев слезинку. – Мне еще матушка рассказывала о том, как батюшка, вот так же, не мог себе места найти, когда возвращался из очередного военного похода... – Она обняла его голову, прижимая к своей груди. – Если тебе так тяжело здесь, можешь отправиться в Испанию. Там, как раз, король Кастилии снова затевает поход против мавров...

– Нет, милая, спасибо. – Ги поцеловал ее мокрые от слез щеки. – Отвоевался я... – он тяжело вздохнул. – По горло я сыт всеми этими кровавыми забавами, пора и о детях подумать...

– Господи, неужели?! – Обрадовалась она, смотря ему в глаза своим неотрывным взглядом своих больших и пронзительных глаз. – Давай, тогда, съездим в Париж? Мы давненько не выбирались в люди...

– Пожалуй, Изабель, ты права... – улыбнулся он. – Давай-ка, подумаем об этом после завтрашней охоты.

– Ладно, дорогой. Там под Орлеаном очень целебные воды, может быть, Господь смилостивится и даст тебе исцеление от всех горестей, что скопились на твоей душе и мешают всем нам нормально жить... – Изабель и сама не верила в собственные слова, видя, как мучается ее супруг.

– Договорились... – он встал и обратился к собравшимся за столом рыцарям. – Мессеры! Приглашаю всех вас на завтрашнюю большую охоту на кабанов! Пора, наконец, показать этим тварям господним, кто истинный хозяин в здешних краях!

– Виват! Виват мессиру де Леви!.. – Дружно крикнули собравшиеся воины, предвкушая отличную охоту и не менее роскошный стол для победителей...

Ги выдавил на своем лице некое подобие дежурной улыбки, рассеянно посмотрел по сторонам, в окно, за которым на землю надвигался хмурый весенний вечер, прислушался к завыванию ветра в ставнях и зубцах башен, после чего встал и молча пошел к себе в комнату. Рыцари, оруженосцы и семья недоуменно посмотрели ему вслед, встали и, поклонившись, проводили хозяина.

Изабель виновато развела руками, окинула взглядом всех присутствующих и произнесла:

– Мессеры, если пожелаете, то можете продолжать без нас. Что-то мой супруг совсем захандрил. – Рыцари нестройными голосами попрощались с хозяйкой, некоторые из них, кому надо было заступать в ночную смену караула замка, попрощались и покинули зал, в котором стало как-то хмуро, тихо и грустно.

Изабель передала детей нянькам, а сама пошла вверх по винтовой лестнице, освещая себе путь мерцающим светом смолистого факела. Ее сильно беспокоило состояние Ги, которое наводило хандру на всех и создавало нервность, излишнюю, как она разумно полагала. Поднявшись на верхний этаж донжона, она подошла к дверям спальни и увидела яркий свет, пробивавшийся из-за неплотно прикрытых дверей. Она распахнула их и вошла в комнату, где уже находился ее муж.

Ги де Леви лежал на кровати, он широко раскинул руки и закрыл глаза. Его глубокое и частое дыхание выдавало какое-то томление души, полной страхов и сомнений.

Она подошла к нему и, сев рядом на постель, положила руку на лоб рыцаря. Ги молча открыл глаза и тяжело вздохнул. Изабель постаралась улыбнуться, но улыбка с большим усилием появилась на ее красивом лице.

– Дорогой, что тебя беспокоит?.. – она легла рядом с ним, положив голову на его грудь. – Тебе скучно и невыносимо без дела сидеть в замке?..

Ги сделал на лице гримасу неопределенности, снова вздохнул и произнес:

– Прости меня, ибо грешен я...

Изабель приподнялась на локте и посмотрела ему в глаза – они были полны детской неуверенности, в них проскальзывал испуг и тоска.

– Господи, о чем ты говоришь?!..

Ги обнял ее и, прижимая к своей груди, ответил:

– Там, в Италии, я согрешил, изменив тебе с девушкой. – Он замолчал и посмотрел на нее. Изабель была подавлена, но смогла найти в себе силы и ни единым мускулом на лице не показать, что ей неприятно слышать подобное от своего мужа. Рыцарь покачал головой и произнес. – Сам не понимаю, как это получилось. Словно бес попутал, словно голову напрочь отшибло, как от удара шестопером! Словно затмение какое-то! Прости.

– Бог простит... – грустно ответила она, стараясь скрыть от него слезы, накатившие на глаза. – Конечно, ты же был далеко от меня...

Он покачал головой:

– Нет! Ты не поверишь, но я не смотрел ни на одну из женщин! Я видел только тебя... – он виновато посмотрел ей в глаза. – Она словно околдовала меня. Теперь я понял это...

– Слава Богу, что ты понял это... – сдерживая эмоции, клокотавшие в ее груди, ответила Изабель. – Некоторые, к примеру, совсем не вспоминают о том, что у них есть жены и дети. Берут, да и бросают их, словно надоевшие игрушки, увлекаясь молодой юбкой!..

– Я не увлекался... – покраснев, ответил Ги.

– Пусть не увлекался, но ведь взял, да и изменил мне... – Изабель тяжело вздохнула и прижала его голову к своей груди. – Спасибо, что хоть вернулся домой... – Она с улыбкой посмотрела на него. – Значит, все-таки у тебя что-то осталось в сердце...

Ги почесал затылок и ответил:

– Теперь, ты не поверишь, эта сука мстит мне... – он перехватил ее недоверчивый и скептический взгляд. – Это она отравила наших людей, тех троих, каждого по очереди...

– Не мели чушь! – Изабель засмеялась. – Теперь, чтобы оправдаться, ты начинаешь выдумывать невесту что, лишь бы...

– Нет-нет! – Ги серьезно посмотрел ей в глаза. – Это по ее приказу сделали. Она ведь уже подсылала наемников ко мне... – рыцарь поцеловал ее в губы – Изабель обиженно отвернулась от него. Де Леви дотронулся до ее плеча и сказал. – Не веришь мне – спроси у итальянца-лекаря, которого я притащил из Италии. Он был среди тех, кого она наняла для моего убийства...

Это было уже серьезно. Изабель повернулась и прочитала в его глазах искренность, смешанную с глубоким отчаянием и стыдом за совершенное им предательство.

– Так прикажи прочесать всю округу и схватить всех подозрительных... – ответила она. Женщина села на постель и, поправляя свои одежды, добавила. – Как-никак, в наших краях до сих пор бродит много катарского отребья и местных сеньоров, потерявших свои лены, – она грустно улыбнулась, – в том числе и по твоей вине. Хотя, – она развела руками, – здесь куда больше виноват твой великий дед-маршал и отец, изгонявшие еретиков и выжигавших сопротивление на корню...

– О чем ты говоришь, милая! – Опешил де Леви. – Здесь столько паломников, едущих в Сен-Жак-де-Компостель, что придется хватать каждого третьего!..

– Тогда... – она села на постель и задумалась. Изабель просидела так пару минут, – тогда свяжись с сенешалем Каркассона...

Ги удивленно посмотрел на Изабель – его поражало хладнокровие супруги и ее способность принимать быстрые решения, особенно, когда их дому грозила действительно серьезная опасность. Кровь великого Бушара де Марли сказывалась в этой хрупкой на вид женщине, вызывая в нем лишь молчаливое удивление и уважение.

– Каркассон, говоришь?.. – он сел рядом с ней и задумался, подперев подбородок кулаком. – И что это даст?..

– Дай сенешалю описание женщины, в конце концов, возьми, да и отправь к нему своего итальяшку – он ведь знает ее в лицо! Пускай сидит в крепости и досконально просматривает всех женщин, проезжающих по старой римской дороге на юг или север страны... – с невозмутимым видом ответила ему Изабель. Она улыбнулась и, видимо, что-то вспомнила. – Знаешь, милый, а мессир де Кастр, случаем, не видел эту девицу?..

– Кажется, видел... – рассеянно ответил Ги, пожимая плечами. – А что?..

– Ничего... – отрезала она. – Отпиши и ему послание. Пусть поможет тебе, выставив на всех мостах, идущих на север страны, гарнизоны, пусть тоже ищет эту стерву...

Ги обрадовался. Филипп де Кастр, владевший городами Кастр и Лавор, практически полностью контролировал север бывших владений виконта Тренкавеля, охраняя стратегические мосты и переходы через реку Агу возле замков Бурлац, Рокекурб и Ла-Сальвета, что делало невозможным бесконтрольное проникновение с севера во все еще беспокойные южные земли Окситании.

– Спасибо тебе, родная! Что бы я без тебя делал... – Ги потянулся к ней, чтобы поцеловать, но Изабель отстранилась и, глядя на него обиженными глазами, ответила:

– Задирал бы юбки всяким непотребным девкам, вроде твоей Беатрис, а потом бы прятался от их мести, словно заяц...

– Ну, милая, не говори так... – он обнял ее и нежно поцеловал. – Это был, прости меня, только один раз...

– Где раз, там и два... – ответила она, но уже менее обиженным голосом, отвечая поцелуем на его поцелуй. – Знаю я вас, мужчин...

Они повалились на мягкую постель. Изабель закинула свою ножку на его бедро и слилась с его губами неотрывным поцелуем. Руки Ги заскользили по ее спине, нащупывая завязки платья, их тела сплетались в причудливый узел любовной страсти, наполняя комнату тихими вздохами. Они резкими и нетерпеливыми движениями избавлялись от стеснявших их одежд...

Они лежали на смятой постели и тяжело дышали, утомленные любовью и ласками.

– Ты простила меня?.. – не открывая глаз, спросил у Изабель Ги.

– Простила... – прошептала она и снова прильнула к его губам своими горячими и влажными губами... – Я тебя люблю...

– А я, так вообще, больше жизни... – ответил Ги и прижался к ее разгоряченному ласками обнаженному телу.

На утро Ги проснулся в прекрасном настроении. Он быстро поднялся и побрел в купальню, накинув на плечи легкий шелковый халат. Сегодня была назначена большая охота на кабанов, и он решил, что это как раз то, что и нужно ему, чтобы немного отойти от всех потрясений и успокоиться. Но, как всегда, судьбе было угодно круто изменить все планы...

Дверь осторожно открылась, и на пороге купальни появился встревоженный начальник замкового гарнизона. Он нервно переминался с ноги на ногу, не решаясь заговорить.

Ги лежал в большой дубовой кадке, наполненной горячей водой и отварами целебных трав, сбором которых увлекалась его жена. Он нехотя повернул голову и вопросительно посмотрел на рыцаря.

Тот приблизился к нему и, склонившись к его уху и, срывающимся от волнения голосом произнес:

– Мессир. Наши разведчики, вроде бы, наткнулись на место, где могут храниться сокровища Монсегюра...

Ги мигом пришел в сознание и удивленно посмотрел на него.

– Ты уверен?.. – спросил он. Комендант гарнизона молча кивнул, вытер пот, выступивший на его лице толи от волнения, толи от пара, наполнявшего купальню, и еще раз, на этот раз более уверенно, кивнул. Ги быстро поднялся из воды, выплеснув на каменные плиты пола целый водопад, схватил большую простыню и, завернувшись в нее, приказал. – Никому ни слова. Собирай двадцать рыцарей, всю положенную прислугу и полсотни арбалетчиков. На каждого приготовь по две сменных лошади и по три ронкина для имущества. Бери рыцарей моего личного копья. Остальным же скажешь, что, мол, охота не отменяется, но хозяину пришлось срочно уехать в Тулузу к его светлости наместнику... – Ги посмотрел на коменданта. – Понял?.. – Тот молча кивнул головой. Рыцарь улыбнулся и с довольным видом добавил. – Организуй охоту по первому разряду. Вина и мяса не жалея. Пускай ребята повеселятся вволю...

Комендант низко поклонился и побежал к выходу из купальни. Ги вышел через соседнюю дверь и оказался в спальне, где мирно спала Изабель, утомленная вчерашними ночными ласками. Он присел на край постели и нежно поцеловал ее в шею. Изабель открыла глаза и обняла его за шею, притягивая к своему телу, пахнушему каким-то пьянящим ароматом ночи и любви.

– Милая, мне надо срочно уезжать... – прошептал он.

Изабель резко проснулась, удивленно посмотрела на него и приподнялась на кровати.

– Что на этот раз?.. – удивленно и несколько раздраженно спросила она. Ги склонился к ее уху и пересказал разговор с комендантом. Изабель изумленно вскрикнула и перекрестилась, после чего посмотрела на него и сказала. – Будь осторожнее, не суй голову в пекло, я тебя люблю...

Он нежно поцеловал ее и побежал в арсенал, приказав слугам принести одежды и готовиться к отъезду.

Рыцари были немало удивлены столь резкой перемене планов относительно массовой охоты, но они, привыкшие жить среди враждебно настроенного населения, не задавали лишних вопросов, тем более, что комендант приказал вытащить из замкового подвала три больших бочонка с вином, а слуги, тащившие кожаные мешочки со специями, одним своим видом говорили, что после охоты будет великолепный пир.

Ги быстро облачился в гамбезон и кольчугу, надел сюркот и длинный подбитый мехом плащ. Большой горшковидный шлем, он решил пока не надевать, отдав предпочтение сервильеру, в котором было не так жарко, да и смотреть по сторонам было значительно удобнее. Тем не менее, его оруженосец приторочил большой шлем к седлу рыцаря.

Ги сбежал вниз по винтовой лестнице и очутился во внутреннем дворе замка, где оба отряда уже заканчивали подготовку и построение. Рыцари и воины гарнизона встретили его оглушительными и радостными криками, приветствуя своего командира и хозяина. Де Леви махнул рукой и, вставив ногу в стремя своего коня, ловко вскочил в седло.

– Мессеры! – Он обратился к своим воинам. – Долг службы повелевает мне оставить вас и убыть к Тулузе! Тем не менее, от всей души желаю вам успехов в предстоящей охоте на кабанов и надеюсь, что закуску для столь славного стола, – он кивнул головой в сторону открытой повозки, на которую слуги укладывали вино, котлы для мяса и мешочки со специями, – вы добудете изрядную! Полагаю, что вы порадуете и меня, украсив мой парадный зал дома кабаньими головами!..

Охотники дружно и радостно приветствовали его, де Леви махнул рукой, и большая группа воинов стала выезжать из замка, скрываясь во мраке арки крепостных ворот. Цокот

копыт их коней, выбивавших искры из булыжников, коими был замощен двор и мост перед замком, гулким эхом наполнило внутренний двор замка Мирпуа.

Когда они уехали, оставив командира и небольшой отряд воинов, Ги обратился к рыцарям, специально отобранным для поиска сокровищ.

– Мессеры! – Он решительным взглядом окинул собравшихся воинов. – Нам предстоит одно небольшое, но я надеюсь, очень опасное и прибыльное предприятие! Мы выезжаем в Южный Фуа! В дороге прошу вас вести себя сдержанно, стараться не привлекать к себе лишнего внимания. Для обывателей, торговцев и купцов мы – вооруженные паломники, едущие в Кастилию для борьбы с мусульманами...

Рыцари, оруженосцы и арбалетчики, которые и в мирное время были не слишком многословны и любопытны, молча кивнули в ответ и стали садиться на коней. Комендант гарнизона незаметно протянул Ги де Леви маленький кусочек пергамента с указанием приблизительного места нахождения клада и места, где его отряд будут ждать разведчики. Де Леви молча развернул его и, пробежав глазами, скомкал, после чего метнул пергамент в костер, разведенный неподалеку от конюшен. Пергамент вспыхнул и через мгновение почернел, сжавшись в маленький обугленный комок. Ги плюнул на землю, взял сервильер, услужливо протянутый ему оруженосцем, проверил удобно ли закреплен кольчужный капюшон, надел шлем и отдал команду к началу движения.

Лошади медленно тронулись в путь. Ги поднял голову и посмотрел на башенный бретеш. Оттуда на него смотрела Изабель, прижимающая детей к своей юбке. Рыцарь помахал им рукой и, поддав шенкелей своему скакуну, выехал в темноту арки ворот.

Им предстоял длинный и опасный путь в южную и горную часть графства Фуа, где в одной из многочисленных пещер последние из катаров могли прятать свои сокровища, которые они совершенно таинственным и загадочным образом умудрились вывезти из осажденного Монсегюра, оставив его и сенешаля Гуго де Арси с носом.

Выехав из Мирпуа, отряд скорым маршем проследовал на запад, и уже к утру следующего дня прошел Памье, сделав лишь два небольших привала на еду и сон. Далее дорога поворачивала строго на юг, извиваясь вдоль течения реки Арьеж. Десять лье они осилили за день непрерывного перехода и остановились на ночевку только возле стен королевской крепости Лабар, заново укрепленной и отстроенной крестоносцами его деда-маршала еще в 1210 году. Стены этой твердыни, специально построенной, чтобы грозить графу де Фуа, помнили славного графа Симона де Монфора и деда Ги де Леви – великого и непобедимого маршала де Ла Фо, прозванного победителем альбигойцев.

Мягкий климат предгорий, яркое солнце и зелень трав, устилавших склоны, настраивали воинов на веселый и несколько романтический настрой. Передовая группа затянула веселую боевую и походную песню, которую вскоре подтянули воины отряда, оглашая местность своим громким и веселым многоголосьем.

В Памье Ги встретился с наместником графа, который крайне недоверчиво и подозрительно отнесся к столь большому военному отряду, появившемуся в землях графа. Вялый и скомканный рассказ о якобы совершающемся вооруженном паломничестве в Кастилию вызвал еще большие подозрения у наместника, который тут же отослал срочного гонца в столицу, дабы известить графа о появлении подозрительных гостей.

Когда Ги и его рыцари подъехали к Фуа, еще до подъезда к городу, в полу-лье от крепостных укреплений, их уже ожидал внушительный отряд рыцарей и стрелков графа Рожэ-Бернара де Фуа.

Услышав громкий и пронзительный звук боевых труб, Ги повернулся к своим рыцарям и сказал:

– Так, приехали! Я, судя по такой теплой встрече, буду вынужден провести немного времени с его светлостью де Фуа, который ужасно щепетилен в вопросах гостеприимства! –

Рыцари весело засмеялись, поняв тонкую шутку их предводителя. Ги немного нахмурился и произнес. – Огибайте Фуа вдоль стен и размещайтесь в трех лье южнее города. Там приличный постоянный двор. Для всех вы – паломники и грешники, едущие в Кастилию на войну с маврами! Больше – ни единого слова...

Рыцари молча кивнули. Ги поддал шпорами своего коня и вместе с оруженосцем приблизился к высокому рыцарю, находившемуся впереди внушительной группы встречавших их всадников.

– Я Ги де Леви, де Мирпуа, де Сент-Ном, де Ла Гард и де Монсегюр! По какой причине я вижу столь внушительное воинство?..

– Мессир де Монсегюр! – Рыцарь нарочно обратился к Ги по его последнему титулу, ведь замок находится во владениях графа де Фуа и рыцарь, по этому лену, является вассалом графа. – Его светлость, мой грозный и могущественный повелитель граф Рожэ-Бернар, настаивает, чтобы вы прибыли к нему немедленно...

Ги кивнул и, пожимая плечами, произнес:

– Ради Бога. Я и не возражал против проявления гостеприимства, которое в Фуа возведено во главу угла! Кстати, мне незнакомо ваше имя, мессир...

– Диего де Юссон, шевалье! – Скромно представился ему рыцарь. – Командир подвижной патрульной службы его светлости де Фуа...

– Польщен знакомством, мессир де Юссон... – Ги учтиво склонил голову, подъехал к нему и, протягивая руку в боевой перчатке, добавил. – Позвольте пожать вашу руку! Вы сейчас на службе, поэтому я вынужден протянуть вам руку, на которую надета боевая перчатка...

– Мне уже рассказывали о вашей учтивости и щепетильности, мессир де Монсегюр. – Диего улыбнулся в ответ и крепко пожал руку рыцаря, но в его глазах промелькнуло что-то подозрительное, что немного насторожило и отчасти встревожило Ги де Леви. – Вы довольно-таки сносно продвигались на землях графа. Как я понял, вы бывали здесь?..

– Бывал... – улыбнулся, но достаточно холодно, Ги де Леви, – когда брал Монсегюр и вычищал здешние горы от катарской ереси. – Он увидел, как у Диего снова нервно дернулось лицо. – Юссон, Юссон... – задумчиво вслух произнес Ги, словно размышляя, – если не ошибаюсь, мессир Диего, это название одного из самых южных замков его светлости, расположенного на границе с Арагоном?..

– Да, мессир де Монсегюр... – холодно ответил ему рыцарь. – Ваша память вас не подвела.

– Теперь мне понятна его реакция... – тихо прошептал вслух Ги. – Именно туда и в Керибюс отошли последние катары из Монсегюра...

– Что-что? – Встревожился Диего, поворачивая голову к рыцарю. – Вы что-то сказали, мессир?..

– Нет-Нет, вам послышалось... – поспешил его успокоить Ги де Леви. – Это зашелестели на ветру складки моего плаща...

Диего снова недоверчиво посмотрел на него, хмыкнул себе под нос что-то на каталонском наречии, взял себя в руки и, натянуто улыбнувшись, произнес:

– Его светлость ждет вас...

– Раз ждет, надо ехать... – Ги развел руками и поддал шпор своему коню.

Они подъехали к крепостным воротам Фуа. Диего что-то шепнул коменданту ворот, склонившись к нему из седла, тот хмуро оглядел француза и приказал страже пропустить его внутрь крепости.

«Прямо, как в тюрьму... – мрачно пошутил про себя де Леви, проезжая темень и сырую прохладу арки крепостных ворот. – Не удивлюсь, если придется с боем выбираться отсюда...»

Они проехали по узким и извилистым улочкам старого города и стали подниматься в гору, где располагалась цитадель и графский дворец. Крепость уже успели частично перестро-

ить и модернизировать, заменив часть деревянных стрелковых галерей каменными машикулями с удобными бойницами и окнами, откуда было сподручнее сбрасывать камни или лить смолу на противника, да и ров, отделявший цитадель от основного города, был значительно расширен и углублен. Только, пожалуй, ворота цитадели были слабо защищены: старый подъемный мост, и отсутствие спускной металлической решетки делали цитадель довольно-таки уязвимой при правильном штурме. Ги оценивающе посмотрел на укрепления, но удержался от комментариев, лишь присвистнул. Диего молча посмотрел на него, но тоже ничего не сказал, а лишь указал рукой в направление крепостных ворот. Они молча проехали ворота цитадели и оказались в небольшом, но чрезвычайно уютном внутреннем дворе крепости, засаженном грушевыми и яблоневыми деревьями.

Слуги и воины, стоявшие возле крыльца графского дворца, быстро подбежали и приняли лошадей, которых тут же повели на конюшни.

– Проверьте переднюю левую подкову у моего жеребца! – Ги успел крикнуть вдогонку конюшним графа, после чего быстро взбежал по старым, еще с римских времен, гранитным ступеням дворца.

– Его светлость ожидает вас на втором этаже... – высокий и рыжеволосый воин неуклюже побрел впереди де Леви, сильно подволакивая правую ногу.

– Заехали шестопером?.. – будто бы случайно произнес де Леви. Воин обернулся и молча закивал головой в ответ. Ги сочувственно покачал головой и добавил. – Должно быть, косто-права под рукой не было?..

– О-о-ох... – грустно вздохнул и обреченно махнул рукой рыжий. – Это верно...

Они подошли к большим дубовым дверям, висевшим на старых бронзовых петлях. Воин потянул за ручку и с усилием раскрыл створку. Дверь противно заскрипела и медленно открылась, вызвав у де Леви появление мурашек – он терпеть не мог эти неприятные дверные скрипы.

– Мессир Ги де Леви! – Раздался чей-то веселый, но несколько напряженный и наигранный голос. – Добро пожаловать в Фуа!..

Ги повернул голову на голос и увидел слева от себя высокого и широкоплечего мужчину лет тридцати с небольшим. Черные волосы и аккуратно подстриженная борода делали графа Рожэ-Бернара очень похожим на настоящего испанца. Он был одет в парадный камзол-блию и штаны-брэ красно-желтого цвета, заправленные в высокие сапоги рыжей испанской кожи и украшенные золотыми шпорами и золочеными пряжками в виде роз. Мягкий берет, украшенный маленькой графской короной и пучком орлиных перьев, довершал наряд графа.

Он привстал с кресла и Ги разглядел небольшой кинжал, висевший на его расшитом золотом поясе.

– Доброго вам дня, ваша светлость... – он учтиво, но достаточно сухо, поклонился. – Позвольте мне выразить признательность за приглашение...

– И не ожидал, что вассалы будут выражать признательность сюзеренам за вызов во дворец... – показным суровым голосом ответил Рожэ-Бернар.

Ги выпрямился и удивленно посмотрел на графа. Его брови поползли вверх, но он сдержался и, выдавливая из себя улыбку вежливости, сказал:

– Мне не совсем понятны ваши слова, дорогой граф де Фуа...

Тот подошел к Ги и, скрестив руки на груди, пояснил:

– Насколько мне известно, мой дорогой де Леви, – он сделал паузу, смерив рыцаря взглядом, – Монсегюр до сих пор подвассален Фуа!..

Ги улыбнулся и вежливо склонил голову:

– Отчасти, ваша светлость, отчасти...

Граф удивился столь наглому ответу рыцаря:

– Что я слышу?! Верно ли это, мессир де Леви?!..

– Вы забыли, ваша светлость, что согласно Ордонансу его величества Людовика, замок Монсегюр и земли, включенные в его дистрикт, отошли к короне Франции и моей семье... – Рожэ-Бернар отступил на шаг и молча посмотрел на него. Ги еще раз поклонился, на этот раз, более учтиво, и добавил. – Волею наихристианнейшего из королей и Буллой его святейшества папы Римского все земли еретиков и их покровителей отданы на поток и объявлены добычей католического воинства.

– Но, позвольте, ведь Монсегюр стоит на моей земле, а она неподвассальна Франции! – Граф сделался пунцовым от гнева. – Южный Фуа есть *аллод*, а не лен!

Ги понял, что граф растерялся, столкнувшись с таким знанием законов и их умелым трактованием, едва заметно улыбнулся и решил, для вида, уступить, лишь бы не рассердить еще больше графа де Фуа.

– И это верно, ваша светлость! Просто, когда Вам предложили навести порядок в своих землях, к несчастью или нет, но вы оказались слишком заняты, чтобы вплотную заняться этой катарской проблемой, вот и пришлось его величеству королю Франции брать на себя непосильную задачу искоренения ереси в ваших землях. А, раз так, то и ваш отец с этим согласился и отказался от большей части сюзеренитета над Монсегюром...

Слова «большой части сюзеренитета» вклинились в голову графу и навели его на мысль, что осталась еще одна, пусть и меньшая часть его законных прав. Он улыбнулся и протянул руку рыцарю.

Ги поклонился, но сделал вид, что не совсем понял жест графа. Рожэ-Бернар, привыкший в своем небольшом владении чувствовать себя царем и богом в одном лице, мгновенно нахмурился, но, вспомнив последние доклады своих агентов, с большим трудом заставил себя улыбнуться и вкрадчивым голосом спросил:

– Как здоровье у нового короля Неаполя?..

– Слава Господу, его величество Шарль де Анжу жив, здоров и, я полагаю, будет признателен вам, граф, когда я расскажу ему о вашем внимании к его персоне...

Рожэ-Бернар побледнел, убедившись, что все доклады его агентов не выдуманные – рыцарь действительно находится в приятельских отношениях с братом короля Франции, ставшим недавно королем Обеих Сицилий.

– До нашей глуши докатились слухи о грандиозной битве, в которой вы, мессир де Леви, проявили поистине чудеса героизма, отваги и рыцарской этики. – Граф вежливо кивнул головой, едва заметно улыбнулся и, тут же нахмурившись, произнес. – Примите мои поздравления...

– Благодарю вас, ваша светлость... – не менее сухим тоном ответил Ги.

Граф решил, что, пожалуй, не стоит нагнетать атмосферу, тем более, что за спиной у Ги де Леви явственно проглядывали могущественные коронованные покровители, способные создать огромные и трудноразрешимые проблемы для мелкого властителя затерянного в Пиренеях графства.

– Давайте-ка, пожалуй, вернемся к основному вопросу... – он сжал кулаки. – Меня интересует, мессир де Леви, готовы ли вы принести мне оммаж?.. – Он встал и, подойдя к рыцарю, протянул руку для целования.

Ги встал на одно колено перед ним, но не поцеловал руку, а лишь приложил ее к своему лбу, подчеркивая этим, что основной вассальный долг лежит не на графе, а на короле Франции.

– Тем не менее, ваша светлость, признаю себя вашим человеком за лен Монсегюр и обязуюсь помогать вам советом и делом против всех лиц мужского и женского пола, за исключением моего сеньора – короля Франции и его вассалов! Клянусь поставлять в ваше войско отряд рыцарей, числом не меньше десяти и на срок сорок дней и ночей в случае ведения вами войны в пределах графства. Клянусь помогать вам советом или выделить за оговоренную сумму рыцар-

ское копье в случае ведения вами войны за пределами графства против всех лиц, за исключением моего сюзерена – короля Франции и его вассалов.

Рожэ-Бернар понял, что этими словами Ги де Леви хотя и подтверждает его права на Монсегюр, но, в случае его согласия с текстом оммажа, на самом деле граф лишится столь стратегического и значимого для графства лена. Он задумался, но не выдернул руку из ладоней рыцаря, постоял так несколько минут, потом, вздохнув, изобразил на своем лице радушную улыбку и поднял де Леви с колена, поцеловал его и произнес:

– Принимаю тебя и твой оммаж, благородный шевалье де Леви! Будь моим человеком... – на душе графа кошки скребли, ведь, произнеся эти слова, он официально потерял Монсегюр, но, поразмыслив, он решил небольшой хитростью все-таки попытаться удержать владение под своим контролем и властью. Он подвел де Леви к столу, собственноручно разлил вино в два больших золотых кубка и, протягивая один из них рыцарю, сказал. – Воистину, это великий день для меня и графства Фуа! – Ги с улыбкой принял вино, но все еще сомневался в словах Рожэ-Бернара, слегка пригубил его и вопросительно посмотрел на собеседника. Рожэ-Бернар поставил свой кубок на стол и, вытерев губы рукавом своего красно-желтого блю, спросил. – Насколько мне известно, мессир Ги, ваша супруга родила вам наследника?

– Да, ваша светлость, Господь воистину милостив ко мне и роду... – ответил Ги, ничего не подозревая в безобидном вопросе графа. – Жан де Леви – мой первенец...

– Прекрасно! Клянусь Небом! – Глаза графа хитро заблестели. Он посмотрел на рыцаря и сказал. – У меня в голове, – Рожэ-Бернар дотронулся пальцами до виска, – родился великолепный план. – Он снова посмотрел на рыцаря. – Предлагаю породниться домами. Вы, слушаем, еще не наметили избранницу для своего наследника?..

Вот тут уже Ги пришлось умолкнуть и поразмыслить над внезапным и очень неожиданным предложением графа де Фуа. Он, по чести сказать, еще и не задумывался, да и с Изабель не мешало бы посоветоваться, ведь она, как урожденная де Марль-Монморанси, могла уже придумать в своей голове какую-нибудь партию для их сына.

– Очень лестное предложение, ваша светлость... – Ги развел руками и улыбнулся. – вы меня, право, просто в тупик поставили!

– Отчего же, мессир Ги? Или, может быть, вам просто неудобно объявить мне, что ваш сын условно помолвлен?..

– Нет, граф, что вы... – смутился рыцарь. – Жан еще мал, чтобы... – он поправил себя, – мы еще не думали с женой об этом...

– Прекрасно! Клянусь Господом и Святой Девой Марией, прекрасно! – граф обрадовано потер ладони. – Значит, мы уговорились?..

Ги согласился и понял, что вся эта комедия в оммаже и претензиями графа сводилась лишь к одному: графа интересовали сокровища катаров, только и всего!

– Значит, мой дорогой свекор, – Рожэ-Бернар наигранно улыбнулся, – нам пора договориться о наследстве для наших детей. Не так ли?..

– Да, ваша светлость... – ответил Ги.

– Не надо больше титулов, мой дорогой родственник! – Граф обнял его и прошептал на ухо. – Я вам отдаю дочь и титул наследного маршала графства для вашего сына, а вы мне, – он сделал многозначительную паузу, – верность и... – снова пауза, во время которой граф немного отстранился от Ги и пристально посмотрел тому в глаза, – половину сокровищ Монсегюра. Вы ведь за ними собрались, а?..

Ги понял, что нет смысла и дальше разыгрывать комедию, посмотрел на него и ответил:

– Да, за ними, граф...

Рожэ-Бернар подошел к креслу и устало плюхнулся в него, вытягивая свои длинные и мускулистые ноги. Он жестом попросил рыцаря присесть рядом с ним и, когда де Леви сел, сказал:

– По вашим подсчетам, насколько они велики?..

Ги скривил лицо, показывая графу, что он точно не знает, и вслух сказал:

– Думаю, что изрядные, граф, вернее сказать, мой будущий родственник...

– Я тоже думаю, что не малые. – Граф скрестил пальцы рук и подпер ими подбородок. – Все-таки, несколько столетий, они жили в спокойствии и благоденствии. – Он внезапно резко дернул головой и, наклонившись корпусом к рыцарю, спросил. – Как думаешь, и Грааль там?..

Ги молча перекрестился и ответил:

– Даже и не думал о таком...

– А я, признаться, уже не один год голову ломаю. – Рожэ-Бернар грустно улыбнулся, потянулся за кубком с вином и произнес. – Я вот думаю, толи Грааль у катаров, толи его тамплиеры запрятали где-то в своих закромах... – Он отпил вина. – Уж больно у них рожи стали хитрые и наглые...

– У кого? У катаров?.. – удивился Ги.

Граф вяло отмахнулся рукой, отхлебнул вина и произнес:

– У тамплиеров. Такое впечатление складывается, что они...

– Наплюйте, граф. – Ги отрицательно покачал головой. – Они только и могут, что дуть щеки, да с паломников взимать налоги за доставку к Святой земле... – Де Леви презрительно плюнул на каменные плиты пола. – Они после Хаттина совсем превратились в торгашей, а не Христовых воинов, уже переплюнули в алчности ломбардцев и евреев, а уж эти слывут самыми жадными ростовщиками!..

– Нет, значит нет. – Грустно вздохнул граф. – А, может, нам все-таки повезет?..

– Одному Богу известно, только ему... – Ги перекрестился.

– Это точно... – граф опустил голову и, сняв берет, молча перекрестился, шепча одними губами текст молитвы. – Будем молить Господа о помощи...

– Это верно, ваша светлость. Даже если мы и не найдем Грааль, я не откажусь и от земного золота... – засмеялся рыцарь.

– Тогда, мой дорогой свекор, – Рожэ-Бернар встал и прошелся возле кресла, – я вам выделю еще сорок стрелков и двух местных католиков, знающих все стежки-дорожки. Вы, надеюсь, не станете возражать?..

– Отнюдь, граф. – Ги встал и поклонился. – Вдруг, не приведи Господь, сокровища окажутся на территории, подвластной не мне, а вам...

– Даже если они будут в Арагоне, смело ступайте и заберите их. Ничего не бойтесь... – граф сузил глаза и решительно напряг скулы своего лица. – Я разберусь с Арагоном, можете быть спокойны.

– Иного ответа я и не надеялся услышать, граф. – Ги поклонился. – Позвольте мне убыть?..

– О чем речь, мой дорогой родич! Я уже приготовил людей, они ждут вас возле южных ворот крепости... – граф хитро подмигнул ему и весело засмеялся. – Ловко я отхватил половину сокровищ, сосватав вам маленькую девочку и титул наследного маршала, а?!..

– Ваша щедрость может соперничать только с вашим благородством, – улыбнулся де Леви, – только вот, граф, тут есть одна заковыка. – Рожэ-Бернар перестал смеяться и вопросительно посмотрел на него. – Сокровищ мы можем и не найти, а вот титул и невесту для сына я уже получил! Кто же тогда из нас ловчее, а?!..

– Ой, ну и прохвосты вы – северяне!.. – граф искренне развеселился и похлопал рыцаря по плечу. – Протяни вам палец – вы руку по локоть откусите!..

– Вы льстите мне, ваша светлость... – улыбнулся рыцарь. – Мне говорили, что южане просто даровиты на словесные экзерсисы, но вы, мой дорогой граф, превзошли все мои ожидания...

– В таком случае, мессир свекор, не соблаговолите ли разделить со мной скромную трапезу... – граф трижды хлопнул в ладоши. Тяжелая портьера медленно отодвинулась, открывая небольшую, но уютную соседнюю комнату, где был уже сервирован роскошный стол, ломившийся от вина, мяса и фруктов. – Можно сказать, на первый семейный обед...

– Это большая честь для меня... – Ги радостно посмотрел на графа. – Только глупый может отказаться от подобного предложения...

– Тогда, милости прошу к столу... – Рожэ-Бернар приветливо похлопал его по плечу.

Маленькая дырка в стене, закрытой гобеленом, закрылась. Диего де Юссон тихо вышел из соседней комнаты и, приложив палец к губам, молча протянул графскому слуге увесистый кошель, звякнувший в тиши коридора дворца монетами.

– Господь, да возблагодарит тебя... – прошептал он перепуганному слуге.

Диего спешно покинул дворец, сел на коня и, проехав ворота цитадели, стал спускаться в нижний город. Он доехал до маленького домика, поросшего шлющем и виноградной лозой, спрыгнул с коня и постучал в большое бронзовое кольцо, прикрепленное к двери. Смотровое окошко приоткрылось, и в нем блеснули искры черных глаз.

– Адский змий лезет в горы. У нас неделя... – произнес он и, испуганно посмотрев по сторонам, отошел от двери, сел на коня и поехал по направлению к казармам, располагавшимся возле главных ворот нижнего города.

ГЛАВА V.

Сокровища Монсегюра.

(Начало).

Монсегюр. 16 февраля 1243г. (24 года назад)

– Насколько я понимаю, дон де Мирпуа, Монсегюр обречен... – Бертран де Марти, новый катарский епископ, ставший у руля гонимой церкви после смерти *Жильбера де Кастра*, задал свой полу-вопрос, похожий больше на констатацию факта. – Катапульта не разрушена, барбакан не отбит, наши дни сочтены...

Пьер-Рожэ де Мирпуа, верный катар и мятежный рыцарь, выброшенный крестоносцами из всех своих богатых владений, расположенных между Фуа и Тулузой, с упорством обреченного цеплялся за свой последний горный замок Монсегюр, уповая лишь на провидение, пока, наконец, католическая церковь и французские рыцари, ведомые сенешалем Каркассона Гуго де Арси не осадили эту еретическую твердыню, поставив себе целью, раз и навсегда, покончить с заразой мутившей умы населения Юга Франции в течение нескольких столетий.

К моменту начала осады его возраст уже приближался к пятидесяти годам, из которых больше половины он провел в постоянной войне с крестоносцами Монфора, рыцарями маршала де Леви, католических епископов и инквизиторов, наполнивших плодородные равнины и прекрасные горные долины Окситании сотнями и тысячами пылающих костров.

– *Верховный Просветленный*, – он упал на колени перед епископом, протягивая руки в покаянном жесте, – мы несколько раз пытались выбить их из барбакана и разрушить эту проклятую машину...

– Не надо роптать и искать оправданий, сын мой... – епископ тяжело вздохнул, встал со стула с высокой резной спинкой и подошел к коленопреклоненному воину. Он положил свою иссохшую ладонь на голову воина, давая тому утешение, – видимо, так угодно Господу. – Он развернулся и подошел к окну башни, смотревшему на равнину, где располагались шатры лагеря французской армии. – Чей это флаг и герб? – Епископ повернулся к де Мирпуа и жестом позвал того. – Мои глаза стали слабеть...

Пьер-Рожэ подошел к окну и посмотрел в направлении, указанному рукой де Марти. На частично восстановленной башней барбакана, слева возле большой палатки красовался и трепетал на ветру стяг желтого цвета, украшенный тремя черными стропилами – герб его злейшего врага, герб и флаг того, кто отнял жизнь его отца, изгнал его из родовых земель, замков и

угодий, сделал изгоем в родной стране, кто превратил его в затравленного охотничьими псами волка, мечущегося по лесам и скрывающегося в пещерах, которых, слава Господу, в здешних краях было предостаточно.

– Ги Третий де Леви, *внук наследного маршала де Ла Фо, потомок того, кто убил моего отца и присвоил себе мои земли, замки, кто растоптал ногами герб моих предков, кто прилюдно помочился на труп моего отца...* – могильным голосом ответил де Мирпуа.

– Слава Богу, что, хотя бы, графа де Фуа здесь нет... – непонятно для чего вслух произнес епископ.

– А вот здесь, отче, позвольте мне не согласиться с вами! – Мирпуа резко повернулся к де Марти, сделался багровым от злости, кипевшей в его груди. – Жаль, что этот Иуда не видит плоды своих предательств! *Благородная Эсклармонда...*

– Не надо приплетать сюда его благородную бабушку... – резким и, одновременно, тихим голосом осадил его епископ. – Франки не решались прийти сюда до тех пор, пока был жив ее племянник, *граф Рожэ-Бернар Великий!* Внук лишь жалкая тень своих великих и могущественных предков-графов де Фуа... – Мирпуа сжал руки в кулаки, но епископ миролюбиво улыбнулся и снова, словно малое дитя, погладил рыцаря по седым волосам, слипшимся от пота, крови и грязи. – Это, сын мой, большая политика. Король Франции Людовик – весьма деятельный и ревностный католик. Своим худым и сутулым видом он умудрился запугать половину Европы. Да что там Европу! – Де Марти сурово нахмурил брови, желваки выступили на его изможденном и аскетичном лице. – Даже Рим и его папы дрожат, словно зайцы, ловя открытыми ртами любое слово, вылетающее изо рта этого человека...

Пьер-Рожэ схватился руками за волосы и, покраснев от натуги, ненависти и злости, кипевших в его сердце, закричал:

– Господи! За что ты мучаешь меня?! Как же я ненавижу этих ублюдков! Как же я стал ненавидеть весь мир!!!..

Бертран де Марти тяжело вздохнул и обнял рыцаря, прижимая его голову к своей впалой груди аскета и отшельника.

– Не надо, сын мой... – прошептал он на ухо рыцарю. – Не гневи Господа, наполни душу и сердце покоем и смирением. Изгони дьяволов, терзающих твою бессмертную душу...

– Господи! Да о чем вы говорите, отче?!.. – Мирпуа резко оттолкнул епископа, сжал руки в кулаки и вскрикнул. – Я бы душу продал дьяволу, лишь бы не видеть всего этого позора!..

Епископ закрыл лицо руками и зашатался от усталости, лишений и услышанного богохульства.

– Остановитесь... – тихим голосом произнес он. – Умоляю вас, Мирпуа...

Катарский воин зло сузил глаза и ответил:

– Где же наш Господь?! Где?! Где?!.. – он зло и торжествующе улыбнулся. Это был оскал дьявола, чьи адские огни засверкали в глазах рыцаря. – Что-то я не вижу его воинства, закрывающего нас своим щитом и изгоняющего врагов и антихристов с нашей благословенной земли Окситании! – Епископ тяжелым кулем плюхнулся на стул и безвольно опустил свою седую голову. Пьер-Рожэ торжествующе вскинул голову и прокричал. – Или, может быть, отче, вовсе не они, а мы антихристы, еретики и проклятые Богом люди?!..

Вместо ответа Бертран де Марти отнял руки от своего бледного, как снег, лица и спокойно посмотрел на рыцаря неотрывным взглядом. Глубина и сила его глаз, казалось, пронизывала рыцаря насквозь, разрывая в его сердце и душе гнезда сомнения, ереси и дьявольского наваждения, а на их место ставила умиротворение, светлую чистоту и непередаваемую душевную легкость, как глоток свежего морозного воздуха выветривая похмелье из головы.

– Я прощаю тебя, сын мой, – епископ ласково улыбнулся, – господь велел нам прощать грешников и не отталкивать заблудших овец, леча их любовью и словом...

Мирпуа повалился на колени перед этим великим человеком, чья теплота и вера разом умиротворили его мечущуюся душу. Он на коленях подполз к епископу, положил голову ему на колени и произнес:

– Простите меня, отче... – рыцарь поднял голову и посмотрел на Марти. – Порой у меня уже нет сил, а злоба и ненависть буквально захлестывают меня, превращая в адское создание...

– Успокойся и прекрати думать о своей личной войне с потомками того заблудшего крестоносца. Сосредоточься на главном, сын мой, – епископ взял его голову в свои руки и прижался лбом ко лбу рыцаря, – ты уверен, что Монсегюр обречен? – Мирпуа молча кивнул головой. Епископ нахмурился, взял себя в руки, разгладил морщины на лице и произнес. – Шансов никаких нет?..

– Никаких, отче...

– Значит, такова воля Господня. – Бертран де Марти поцеловал в лоб рыцаря. – Будем готовиться предстать мучениками пред Господом и Пресвятой Девой... – епископ покачал головой. – Умоляю тебя, Мирпуа, никому ни единого слова. Пока, по крайней мере... – рыцарь молча покачал головой, соглашаясь со словами епископа. – Прекрасно. Как идут дела у мэтра де Баккалария? Когда будет готова его катапульта?..

– Не раньше, отче, чем через три дня... – Пьер-Рожэ реально оценивал время и, прежде всего, нехватку материалов, необходимых для строительства катапульты. – Пригодного дерева нет, мэтр пытается собрать машину из всего, что попадает под руку...

– Не впускайте в свои сердца сомнения и отчаяние, тогда и Господь поможет нам... – произнес епископ, но в его душе зашевелилась змея сомнения. Он помолчал пару минут, задумчиво глядя в окно, повернул голову к рыцарю и спросил. – Как твой сын?.. – Вместо ответа Пьер-Рожэ закрыл лицо руками и застонал. Бертран де Марти обнял его и прошептал. – Господь возлагает на него высокую миссию. Вставай и следуй за мной...

Пять лье южнее замка Монсегюр. 1 апреля 1267г. (Настоящее время)

Небольшой отряд осторожно двигался по узкой и извилистой горной дороге, поднимаясь все выше и выше в предгорья Пиренеев. Воины и кони устали, осторожно ступая по шатким камням дороги, то и дело, рискуя свалиться в пропасть, простиравшую свою глубокую глотку слева от дороги.

Два дня назад Ги в условленном месте встретился с разведчиком, который приблизительно объяснил ему место, где, возможно, катары в последний раз перепрыгали свои сокровища.

– Арбалетчикам выдвинуться вперед на расстояние полета болта! – Хриплым и простуженным голосом прохрипел он, кутаясь в меховой плащ, который холодный и пронизывающий до костей ветер трепал в разные стороны. Он вынул руки из кольчужных рукавиц и попытался согреть своим дыханием. Пальцы оковенели и с трудом слушались. – Бр-р-р, какой же холод...

– Это еще ерунда, дон де Леви. – Рыцарь, выделенный графом де Фуа в качестве проводящего и командира арбалетчиков, весело засмеялся, наблюдая за страданиями теплолюбивого француза. – То ли дело зимой! Вот, когда морозы, так морозы. А сейчас, – он презрительно плюнул на снег, таявший под копытами коней, – детская шалость.

– М-да, – покачал головой Ги, – поражаюсь я вам, горцам...

– Спасибо за комплимент, дон Ги. – рыцарь учтиво поклонился в седле. – Значит, вы не видели настоящих горцев, раз называете нас, фуасцев, таким гордым именем. Вот, баски, к примеру...

– Я видел басков, мой друг, – хмурым голосом одернул его Ги де Леви, – причем, в деле.

– ? – Удивленно поднял брови рыцарь.

– При осаде Монсегюра, мой друг. – Улыбнулся в ответ де Леви. – Сенешаль де Арси умудрился уговорить Тибо Наваррского, который ссудил ему отряд горных стрелков за довольно-таки приличную сумму в золоте...

– Неужели?... – удивился рыцарь.

– Мало того, дон де Матаплана, я и повел их на штурм барбакана, взятие которого и предрешило судьбу Монсегюра... – словно вскользь обронил де Леви. – У рыцаря от удивления глаза полезли на лоб. Он открыл рот, но ничего не смог вымолвить, лишь молча глотал воздух, напоминая рыбу, вытащенную рыбаком и брошенную на берегу. Ги бросил быстрый взгляд на молодого рыцаря, незаметно улыбнулся и, поддав шпорами своего коня, добавил. – Еще пара поворотов и мы увидим знаменитые карстовые пещеры Сабарте. Прошу вас, дон Рауль, проследите, чтобы ваши стрелки не проглянули засаду, умоляю вас...

Рауль де Матаплана часто закивал головой и, поправляя на ходу свой шлем-шапель, поехал вперед, обгоняя ряды воинов отряда де Леви, чтобы нагнать своих арбалетчиков.

Когда он уехал вперед, Ги свистнул одному из своих воинов и приказал:

– Не зевайте, ребята. Если они здесь, то наверняка приготовят нам отменный бульон! Арбалеты наготове, щиты приторочить...

Монсегюр. 16 февраля 1243г.

Они вышли из комнаты башни и спустились по узкой винтовой лестнице в подвал, защищенный тяжелой дубовой дверью, окованной железом, успевшим покрыться пятнами ржавчины. Возле двери стояли пятеро катарских воинов, *на шлемах, черных сюркотах и щитах которых красовались голуби и пчелы*. Стражники расступились и открыли ключами дверь, пропуская епископа и Мирпуа внутрь подвального помещения башни.

– Входи, не бойся... – Бертран де Марти взял на руку рыцаря. Его рука была ледяной и влажной от пота, ведь Мирпуа впервые входил в святая святых катаров – сокровищницу и дарохранительницу, перевезенную еще в начале альбигойского крестового похода покойным Жильбером де Кастром из Сен-Феликс-де-Караман в Монсегюр, подальше от алчных взоров и загребущих рук Симона де Монфора и его рыцарей. – Ты первый... – епископ вздохнул и добавил, – и последний, кто входит из простых смертных в это помещение...

Бертран де Марти поочередно зажег смолистые факелы, закрепленные на стенах помещения. Их переливчатый и рассеянный свет выхватил из кромешной тьмы несколько больших сундуков, каждый из которых смогли поднять шестеро крепких мужчин, да и то, только когда они были пустые, ровные ряды крепких кожаных мешков и большую шкатулку, богато инкрустированную золотом, слоновой костью и украшенную искусной резьбой, изображавшей сцены из жизни Христа и Тайную Вечерю.

– Бог мой, – прошептал Мирпуа, – неужели это...

– Не забивай голову ненужными вопросами, сын мой... – спокойно ответил ему епископ.

– Но...

– Впрочем, если тебе от этого станет легче – можешь думать все, что заблагорассудится...

– Бертран де Марти встал возле шкатулки, но не прикоснулся к ней. – Её открывали только тогда, когда умирал Верховный Просветленный, дабы его душа могла прикоснуться к... – он замялся, – и получить Утешение... – он бросил быстрый взгляд на рыцаря. – Решение об открытии священной реликвии принимают все Высшие Просветленные. Только они вправе позволить или отказать. Теперь же, когда остался только я, – он грустно улыбнулся, – никто не сможет открыть ее. – Он решительно посмотрел на рыцаря. – Страшные кары постигнут того, кто осмелится открыть этот ларец. Казни египетские покажутся детскими забавами, сын мой.

– Для чего вы говорите все это, отче? – Пьер-Рожэ посмотрел на епископа.

Бертран де Марти присел на один из мешков, расправил складки своего черного одеяния, шумно выдохнул и произнес:

– Для того чтобы ты знал, что завтра они навеки исчезнут из замка, – он выдержал паузу и добавил, – они останутся лишь призраком и недостижимой легендой для алчных католиков, воскреснув лишь тогда, когда Господь сочтет это нужным...

– Господи! О чем вы говорите, отче?! – всплеснул руками де Мирпуа. – замок обложен со всех сторон, даже мышь не проскочит! Одно дело, когда попробуют налегке вскочить с десятков людей, а тут! – Он кивнул в сторону огромных сокровищ.

– Вот, легенда уже началась... – улыбнулся епископ. – Не пройдет и десять лет, как станут рассказывать, будто сокровища улетели по небу, на крыльях голубей...

– Ваш разум помутился, отче... – с недоверием в голосе произнес рыцарь.

– Все мы в руках Божьих, сын мой... – ответил епископ, и его глухое эхо пронеслось по подземелью. – Для этого я и спрашивал вас о сыне...

Пять лье южнее замка Монсегюр. 1 апреля 1267г.

– Вроде какое-то шевеление справа по ходу дороги, мессир Ги... – рыцарь его отряда показал рукой на небольшой скалистый выступ, нависавший над извилистой горной дорогой впереди по ходу движения отряда. – Видите, там группа кривых деревьев!..

– Рауль, ротозей! – Ги прижал кулак ко рту, больно прикусывая пальцы зубами. – Неужели он не видит?!..

– Останавливаем колонну, мессир?

– Нет, ни в коем случае... – тихо ответил ему Ги и крепко сжал правой рукой арбалет, лежавший на его коленях. – Едем еще туазов двести, после чего, по моей команде попробуем накрыть их...

– Угол больно большой, мессир... – недоверчиво покосился на выступ рыцарь.

– Наша задача, как можно быстрее проскочить его, Пьер. Нагони-ка, Рауля и тихонько шепни ему про засаду... – рыцарь подумал и прибавил. – Пусть, как только проскочит выступ, прижимает стрелков к стене и готовится прикрыть нас. Понял?..

Пьер молча кивнул и поскакал вперед, догнал де Матаплана и незаметно указал тому на засаду и приказ Ги де Леви.

– Ребята, приготовьтесь... – Ги незаметно повернул голову и, словно проверяя, как растянулся его отряд, передал приказ своим воинам, – по моему сигналу накрываем залпом вон тот выступ и резко прищипываем коней...

Воины, привыкшие к постоянной войне, молча кивнули и взялись за арбалеты.

Молодой де Матаплана смутился и, откровенно говоря, растерялся, узнав о существующей засаде. Ему до сих пор ни разу не удавалось побывать в настоящем сражении, да и навыков разведки и обнаружения противника он не имел. Он излишне засуетился, нервно поддавая шпорами своего коня, и стал оживленно жестикулировать перед своими стрелками.

– Вот идиот... – закрипел зубами де Леви, – сейчас спугнет наших пташек... – он встал на стременах и крикнул своим воинам. – Резко вперед! Залп по готовности!

Рыцарь прикрылся своим щитом и, на ходу прицелившись, наугад выстрелил из арбалета, целясь в силуэты, темнеющие между стволами кривых деревьев. Все воины повторили маневр своего командира и дружно разрядили арбалеты по засаде, выпустив большинство стрел наугад – прицельной стрельбе мешала быстрая езда на коне.

Тем не менее, несколько болтов умудрились попасть в противника, спрятавшегося между столами деревьев, что позволило внести небольшую сумятицу и позволить отряду проскочить выступ, скрывшись под ним.

Рауль де Матаплана, вместо того, чтобы проехать выступ и в точности выполнить приказ де Леви, скупился перед ним и отдал приказ начать стрельбу. Слишком большой угол обстрела не принес никакой пользы, отряд лишь отстрелял все заряженные арбалеты и остался без прикрытия.

– Баран! Скачи под выступ! Уводи людей!.. – Закричал, что есть силы, Ги де Леви. – ребята, рвем отсюда!..

Отряд стал резко уходить вверх по дороге, стараясь выйти из-под возможного обстрела.

Рауль де Матаплана слишком поздно понял свою ошибку и преждевременность залпа. Он приказал своим стрелкам скакать вслед за уходившим отрядом де Леви, надеясь, что враги не успеют расстрелять его и его людей. Арбалетчики, большинство из которых были новички в военном деле, замешкались, сбиваясь в нестройную кучу, на которую из засады успели сбросить три больших камня, придавшие двух человек насмерть и покалечивших еще трех стрелков и их лошадей. Когда же они бросились в паническое отступление вверх по горной дороге, пытаясь нагнать отряд де Леви, им вдогонку вылетели тяжелые арбалетные болты, ранившие еще восемь человек и убившие пятерых, не считая покалеченных лошадей. Новобранцы не додумались забросить свои щиты за спины, чтобы прикрыться ими от стрел и подставили свои незащищенные спины под прицельный огонь врага.

Скрывшись за поворотом горной дороги, Ги приказал воинам спешиваться, перезаряжать арбалеты и следить за горами. Вскоре их нагнали жалкие остатки арбалетчиков, ведомые перепуганным насмерть Раулем де Матаплана. Их перекошенные от страха и боли лица, кровь и стоны раненых красноречиво говорили сами за себя.

– Какие потери, мой юный друг? – Ги крепко придавил своей рукой его дрожащее плечо.

– Н-н-не з-зн-наю... – стучащим от ужаса зубами ответил Рауль. По его лицу струились большие дорожки пота. Его стошнило на колени, забрызгав седло и попону своего коня.

– Ну так идите и посчитайте! И перестаньте стучать зубами, вы же командир!.. – Суровый взгляд де Леви отрезвил молодого рыцаря, который суматошно развернул своего коня и поскакал к арбалетчикам. Ги поморщился и произнес. – Слава Богу, что, хотя бы, не обделался под себя...

Вскоре Рауль возвратился, бледный, как смерть и едва держащийся в седле. Его зеленое от страха и слабости лицо мелко дрожало.

– С-семь убито и од-д-дин-нн-надцать ранено... – заикаясь от волнения и страха, произнес рыцарь и попытался, было, зарыдать, но Ги отвесил ему увесистую пощечину и крикнул:

– Держите себя в руках! Не будьте бабой, Рауль! Иначе, клянусь Господом, я отрублю вам собственными руками голову и привезу ее графу, чтобы он увидел вашу зеленую от страха рожу! Вы – рыцарь и офицер его светлости!.. – Ги неожиданно сменил свой резкий тон на более спокойные и несколько ласковые нотки. – Сколько коней потеряли?..

– Двадцать два строевых коня, мессир. – Из-за спины Рауля показалось лицо Пьера, который уже успел оценить потери отряда. – Придется пересаживать ребят на мулов и ронкинов...

– Так и поступай, Пьер. – Ги приказал ему. – Дон Рауль поедет со мной. Так и мне, да и всем будет спокойнее... – Рауль, на губах которого от мощной пощечины выступила кровь, а из носа потекли кровавые сопли, молча закивал головой, но ничего не произнес, лишь всхлипнул. Де Леви снова повернулся к нему и, глядя в упор, спросил. – Дон де Матаплана, вам не надоело хныкать, как девка? Может, мне еще разочек приложиться к вам самым надежным и отрезвляющим способом? А?..

Рауль испуганно вытер кровь со своего бледного лица, потупил глаза и произнес:

– Простите меня, дон де Леви, и... – он поднял голову и посмотрел на рыцаря, – спасибо вам за мужскую науку. Я сам виноват, поделом...

Ги вынул из седельной сумки бурдюк с вином, зубами откупорил пробку и протянул молодому рыцарю:

– На-ка, прими, да отхлебни добрый глоток вина. Пусть хотя бы оно немного отрезвит тебя. – Рауль схватил бурдюк и жадно припал к нему губами, проливая вино себе за ворот кольчуги. Ги улыбнулся, вспомнив, как и сам в молодости побаивался, и произнес. – Господи! Да не торопись ты так! Подавишься еще, чего доброго! Что мне графу-то говорить?..

– Правду... – грустно ответил Рауль, возвращая бурдюк.

– Ага! Я не такой дурак, чтобы взять, да и опозорить твой род до седьмого колена! Ничего-ничего, с кем не бывало. Слава Богу, что ты не обделался с перепуга, вот смеху-то было...

Рауль улыбнулся, представив себя в таком непотребном для рыцаря виде.

– Простите меня, дон де Леви... – извиняющимся голосом произнес он.

– Наплюй, Рауль. – Ги похлопал его по плечу. – Ты, наоборот, радоваться должен!

– Чему, простите?.. – Снова удивился юноша. – Моему позору?..

– Нет! Тому, что мы на правильной дороге! – Ги снова покосился назад, проверяя, как его воины готовятся к отражению возможной атаки, убедился, что все нормально, развернулся к Раулю и произнес. – Засада, мой друг, вот так просто, можно сказать на ровном месте, не устраивается. Значит?.. – он вопросительно посмотрел на рыцаря, подталкивая того к размышлению и продолжению своих слов.

– Значит, дон Ги, сокровища действительно существуют! – Закричал, обрадовавшись, Рауль де Матаплана. – С какой тогда нужды было устраивать нам засаду?..

– Молодец! – Ги с силой ударил рыцаря по спине. – Наконец-то начал мозгами шевелить. Я думаю, что мой информатор не соврал – сокровища здесь, они поблизости, надо только протянуть руку и забрать их...

– Все у вас, дон де Леви, уж больно просто выходит... – вздохнул рыцарь, скептически оглядывая свою грязную амуницию и перепуганных воинов. «– Катары, тьфу, – он трижды плюнул через левое плечо», – говорят, такие кровожадные и страшные!..

– Ага! Ты еще скажи, что у них по три головы, хвосты и дьявольские копыта вместо ног! – Снова не удержался и рассмеялся Ги, поражаясь неопытности и наивности молодого фуасского рыцаря. – Где вас только берут таких...

– Вы, прямо, меня в краску вгоняете... – смущенно покраснел и пробормотал в ответ Рауль.

ГЛАВА VI.

Сокровища Монсегюра.

(Продолжение).

Монсегюр. 16 февраля 1243г.

– Все мы в руках Божьих, сын мой... – ответил епископ, и его глухое эхо пронеслось по подземелью. – Для этого я и спрашивал вас о сыне...

Пьер-Рожэ ошалело уставился на епископа. Он часто заморгал глазами, но ничего не смог произнести в ответ.

Бертран де Марти потер руки, словно согревая их, подумал немного и снова заговорил:

– Каждому созданию Божию уготована судьба, сын мой. Ваш сын, как это высокопарно не прозвучит, был изначально уготован для исполнения одной важной миссии... – он посмотрел в глаза рыцарю, – можно сказать, он даже не родился, а для него было уготовано что-то очень важное и ответственное.

– Не понимаю вас, отче. – Пьер-Рожэ де Мирпуа подошел к епископу, тот жестом позволил рыцарю присесть рядом с ним.

– Помните, мой друг, – он посмотрел на Пьера-Рожэ, – я вам разрешил отказаться от обета безбрачия и позволил взойти на ложе с одной из Просветленных дев?..

– Ну, да... – ответил ему рыцарь. – Только один раз и было...

– Сейчас это неважно, сколько было... – улыбнулся епископ. – Самое главное, что Совет так решил, а дева покорно согласилась зачать от вас воина...

– Ой, только не надо говорить, что вы настолько всемогущи, что способны шептать на ухо господу о том, кто должен появиться на свет! – Мирпуа с недоверием посмотрел на епископа.

– Ладно-ладно, не стану тебя переубеждать. – Марти развел руками, давая понять, что не намерен спорить и доказывать правоту своих слов. – Кто родился, тот и родился. Юный Рожэ

воспитывался нами по всем канонам церкви, он предан и верен ей до последнего вздоха, но при этом, тебе есть чем гордиться, Рожэ стал превосходнейшим воином. Не зря же мои гвардейцы так долго учили его военным премудростям...

В это время раздался глухой удар, и с потолка посыпалась пыль, засевшая между камнями много лет назад.

– Ничего себе... – удивился де Мирпуа. – Ну и катапульта у них!

– Да, сын мой, – епископ грустно вздохнул и опустил голову. – Такой штуковиной они скоро разнесут весь замок...

– Не должны, отче. – С сомнением ответил ему рыцарь. – Если они станут швырять такие огромные камни, их катапульта попросту расколется, не выдержав нагрузки...

– Дай-то Бог... – он сложил ладони и молча помолился. – Так! О чем это я? А. Завтра ночью твой сын уйдет из замка и унесет сокровища и реликвии, навсегда скрыв их от глаз врагов.

– Как же он это сделает, отче? У него, прости меня Господи, нет крыльев... – Пьер-Рожэ усмехнулся, подозревая, что епископ тронулся умом.

– Подробности тебе, сын мой, знать нет нужды. Заверю тебя, что к утру третьего дня ты не увидишь ни сына, ни вот этих... – он провел рукой по мешку, – сокровищ.

– Но как, отче?..

– Какой же ты, право... – улыбнулся в ответ епископ.

– Неужели, отче, слухи о тайном ходе – правда, а не досужие домыслы?.. – догадался де Мирпуа.

– Вот, еще одна легенда появилась на свет. Молодец, сын мой. Правильно, так и поступай. Чем больше легенд и слухов обрастет вокруг всего этого, – он окинул взглядом подвал, – тем труднее и, одновременно, вожаденнее станут сокровища для наших врагов. Пусть они сводят их с ума... – Он встал и отряхнул пыль, попавшую на его черную одежду. – Пошли к свету.

– Да, отче... – машинально ответил ему рыцарь.

Они вышли из подвала, стража также невозмутимо закрыла за ними тяжелую дверь на замок и с непроницательными лицами встала возле входа в подземелье башни. Пьер-Рожэ провел епископа к лестнице, ведущей к дозорной и стрелковой площадке замковой куртины, пропустил его вперед и стал подниматься следом за ним, сдерживая свои широкие шаги и боясь наступить на край черного одеяния Бертрана де Марти.

Епископ вышел на открытую площадку и, укрывшись от шальных арбалетных болтов, приказал позвать мэтра Бертрана де Баккалариа, мастеровившего катапульту во внутреннем дворе замка. Мастер быстро прибежал к нему и поклонился, ожидая, что скажет ему епископ.

Тот еще раз окинул взглядом низину, где у подножия горы, на которой был возведен Монсегюр, расположился огромный живописный лагерь французов, присмотрелся к захваченному барбакану, громко вздохнул и спросил мастера:

– Достопочтенный мэтр, удастся ли вам соорудить машину, способную метать камни в лагерь врага?..

Мастер бросил взгляд на лагерь противника, потом на свое сооружение и отрицательно покачал головой...

Десять лье южнее замка Монсегюр. 1 апреля 1267г.

После внезапной засады, наскоро перевязав раненых и привалив камнями убитых воинов, отряд Ги де Леви быстрым маршем, чем-то похожим на торопливое отступление, проделал еще около двух лье, двигаясь по узкой и извилистой горной дороге, тянувшейся от Монсегюра строго на юг к реке Арьеж и замку Акс-ле-Терм. Но, так и не доехав до него около двух лье, отряд резко свернул на запад и пошел к Юссону, с трудом петляя по едва заметной тропке, тянувшейся между скалами, поросшими редкой растительностью, мхами и хилыми деревцами.

– Так, – вслух произнес Ги, ища глазами приметный знак, описанный ему разведчиками, – где-то здесь должна быть белая скала, похожая на трезубец...

Отряд проехал еще и вскоре они увидели белую скалу, высившуюся справа по ходу их движения.

– Слава Господу, мы не заплутали... – выдохнул с облегчением де Леви. Он повернулся к воинам и крикнул. – Ребятюшки, держите-ка арбалеты наготове! Неровен час, нам опять захотят гостинцев подкинуть!..

Рыцарь подозвал Пьера и Рауля. Когда они подъехали к нему, Ги произнес:

– Значит так, мессиры. За поворотом будет наша заветная цель, если, конечно, эти проклятые еретики не успели снова перевезти сокровища. Действуем быстро, слаженно и, самое главное, – он с укором посмотрел на Рауля, – строго по моим командам. Всем, я надеюсь, понятно?..

Пьер усмехнулся и молча кивнул головой, закрепил ремешки на своем шлеме-шапеле, а Рауль, густо покраснев, вымолвил:

– Дон де Леви, убедительно прошу вас...

– Ладно-ладно, мой друг, только, чур, слушайте меня и слишком уже не безумствуйте в бою... – эти слова вызвали приступ неудержимого смеха у Пьера, который одной рукой за свой живот, а другой закрыл рот, да так крепко, что слезы брызнули из его глаз. Ги покосился на своего рыцаря и укоризненно покачал головой. – А вот этого делать не следует, Пьер. Стоит молодому парню раз оступиться, так вы готовы замучить его до полусмерти своими смешками и шуточками, – Ги едва сдерживался, готовый рассмеяться. Но он напустил на себя суровый и злой вид, сверкнул глазами и произнес. – Спешиваемся сразу же за поворотом. Арбалеты и копья наготове, щиты вперед и, умоляю вас ради Господа и его небесного воинства, смотрите по сторонам и не провороньте какую-нибудь засаду. Если что – сразу же дайте залп из арбалетов и отходите, а то греха с вами не оберешься! Почти треть отряда потеряли из-за ротозейства и расхлябанности некоторых персон... – он не удержался и кинул взгляд на молодого де Матаплана. Тот вжал голову в плечи, но промолчал, лишь обиженно надул щеки, покрывшиеся пунцовыми пятнами смущения. – И, вот еще, что. – Де Леви прищурил один глаз. – Оставьте-ка всех раненых в тылу, выделите им пятерых воинов, пусть охраняют ронкинов, мулов и обоз...

Монсегюр. 16 февраля 1243г.

Мастер бросил взгляд на лагерь противника, потом на свое сооружение и отрицательно покачал головой...

Бертран де Марти нахмурился, но тут же поборол в себе тоску, сжавшую на мгновение его сердце своей ледяной рукой, провел по лицу руками, поправил черный капюшон своего одеяния и спросил:

– Удастся ли вам, мэтр, изготовить катапульту, способную разрушить или повредить эту докучливую машину? – Он указал пальцем на катапульту, край которой виднелся из-за полуразрушенной стены барбакана, захваченного французами.

Мастер немного оживился и ответил:

– Постараюсь, отче. – Он перехватил взгляд епископа, поежился и исправил сказанное. – Обязательно, отче...

– Бог вам в помощь, мэтр. – епископ стал спускаться вниз, желая обойти воинов гарнизона, чтобы побеседовать с ними и хоть как-то утешить их в столь трудные минуты. Он понимал, что отчаянию нельзя дать возможность закрепиться в их сердцах, умах и головах, надо дать надежду, вселить уверенность в собственных силах и божьем провидении, способного в одночасье переломить ход осады, столь неудачно складывающегося для катаров, запертых в Монсегюре, как в мышеловке.

Пьер-Рожэ стал спускаться следом за ним, но на полпути передумал и, отпросившись к епископу, побежал к небольшому приземистому строению, сложенному из грязно-серых камней у которого возле входа толпились раненные солдаты.

Он с большим трудом протиснулся внутрь и, пройдя по полутемному коридору, освещенному тусклым светом чадающих факелов, увидел своего сына Рожэ, склонившегося над одним из раненых защитников. Тот только что вымыл руки горячей водой и собирался вырвать из груди арбалетный болт, пробивший кольчугу и впившийся чуть ниже правого плеча несчастного воина.

Пьер-Рожэ молча прислонился к дверному косяку и стал наблюдать за своим сыном, наслаждаясь каждой секундой, ведь он прекрасно понимал, что скоро они расстанутся навсегда.

В голове рыцаря промелькнула вся его жизнь, показавшаяся пустой и однообразной. Незапоминающиеся страницы жизни, сливаясь одна с другой, сплошной серостью пронеслись перед ним. Лишь только рождение его первенца и наследника, чуть-чуть скрасило это серое однообразие, раскрасив его яркими и сочными красками радости, счастья и отцовской гордости.

Пьер-Рожэ вздохнул. Он ведь толком и не виделся со своим мальчиком. Только и делал, что носился, как угорелый по всей Окситании, сжигая замки, нападая на обозы крестоносцев, грабя монастыри, церкви и аббатства, пока его малыш рос, креп и мужал, постигая трудную науку жизни не от своего отца, а от посторонних людей, обучивших мальчика всем премудростям и наукам. Тем не менее, каждую свободную минуту он пытался проводить с ним. Отец улыбнулся, вспомнив, как его сын в первый раз порезался, неосторожно полоснув себе по руке ножом, когда пытался выстругать игрушечный меч из крепкой и суковатой орешины.

Он так и стоял, и молча смотрел на своего сына, только иногда на его лице, покрытом темным загаром и многодневной щетиной, среди шрамов и рубцов, нет-нет, да и подрагивал какой-нибудь мускул, выдавая большое внутренне переживание.

Жену он не любил. Да и как можно назвать любовью их случайную встречу, когда покойный ныне Жильбер де Кастр взял ее нежную бледную руку и вложил в крепкую ладонь воина. Ему, измученному кровавой войной с крестоносцами, надломленному и морально опустошенному было невдомек, что, пожалуй, эти короткие мгновения и были чем-то, напоминавшим счастье. Мелиссинда – так звали невесту – сразу же после рождения сына снова уехала в один из отдаленных горных катарских монастырей, где вскоре умерла, оставив после себя сынишку и короткие воспоминания о ярком мгновении любви.

Пьер-Рожэ после всего этого еще больше озлобился на мир, все сильнее и глубже погружаясь в кровавую круговерть религиозной войны, словно вытравливая из себя остатки нежности, нерастратченной теплоты, ненайденной любви и невостребованной заботы. Урывками, если позволяли мирные дни или священники-катары снисходили до его настойчивых просьб, он виделся с сынишкой, который, хотя и походил на свою мать, характером и повадками с каждым днем становился все больше и больше похож на своего отца. Такой же дерзкий, упорный, Рожэ умудрялся умело и гармонично сочетать силу и ум, интуицию и знания, которые, благодаря его цепкой и обширной памяти, множились, превращая его в поистине удивительного человека. Если бы не война, война долгая, изнурительная и, как иногда могло показаться, бессмысленная, которая из религиозной как-то незаметно переросла в кошмар, состоящий из немыслимой мешанины убийств, мальчик мог бы стать великим ученым, художником, лекарем или, в конце концов, прекрасным рыцарем. Но отец видел (и это мучило его больше всего на свете), что даровитость и многогранность таланта сына чахнет, прозябает и попросту пропадает в Монсегюре.

Рожэ в свою очередь, как юный волчонок к отцу-волку, тянулся к нему, он буквально засыпал у отца на руках и в эти минуты тот ощущал себя на вершине счастья и блаженства.

Крохотное живое существо, свернувшееся калачиком и пригревшееся у него на груди, так мило пощипывало во сне, что он не мог позволить себе пошевелиться, упиваясь чудом отцовства, вдыхая молочную свежесть его кожи, а сладкое дыхание было во сто крат лучше, чем самые изысканные благоухания Востока...

– Отец, я так рад, что вы пришли! – Рожэ подошел к нему и обнял. – Прости меня, что сразу не смог...

– Что ты, родной. Все хорошо... – рыцарь не решался начать разговор с сыном. – Я видел, что ты был занят. Врачевание для меня – одно из семи чудес света...

– Отец, это просто наука. Превосходное знание тела, да травы – вот, пожалуй, и все, что нужно лекарю... – смутился Рожэ.

– Знай, что я всегда гордился, горжусь и буду гордиться тобой... – опустив глаза, произнес отец. – Давай-ка выйдем на воздух...

Они вышли из здания, и присели на каменной грубо сделанной скамье. Пьер-Рожэ волновался и мял в руках своих кожаные перчатки с блинными раструбами, проклепанными металлическими пластинами.

– Я... – начал, было, сын, но отец прервал его:

– Я хочу тебе сказать, что у меня на свете было всего два человека, которых я любил больше жизни. – Он грустно улыбнулся и положил руку на ладонь сына. – Твоя мать (тут решил немного приукрасить правду, чтобы было легче подойти к главному) и ты, мой родной и единственный сын... – Рыцарь обнял сына, прижимая его голову к своей груди. Он потрепал его курчавые волосы. – Знаешь, я до сих пор не решался тебе сказать...

– Я тоже, отец. – Рожэ поднял голову и посмотрел в глаза отцу. – Я так счастлив, что у меня такой прекрасный отец!..

– О чем ты говоришь... – растерялся рыцарь. – Я толком и не видел тебя. Так, урывками...

– Нет-нет, поверь... – сын крепко обнял его. – Так, как ты заботился обо мне, еще никто и никогда в мире не проявлял заботу о родном существе!

Отец смутился еще больше, опустил голову, тяжело вздохнул и произнес:

– Спасибо тебе, Рожэ. Я пришел, чтобы сказать тебе...

Тот крепко сжал руку отца и сказал:

– Я уже все знаю. Жаль, что мне не удастся умереть рядом с тобой...

Пьер-Рожэ с трудом сдерживал слезы. Он удивился, ведь ему казалось, что его очерстевшая, огрубевшая и окаменевшая душа уже никогда не будет способна, вот так, искренне, взять, да и пролить капли, орошая его веки и лицо. Ему стало тепло и приятно от сознания этого – его душа, на которую он давно наплевал и забыл, еще была, она была мягкая и нежная, способная на слезы умиления и гордости, способная на смущение и стыд, радость и горе.

«Значит, выходит, что моя душа еще не погибла, раз могу плакать» – подумал он про себя и произнес:

– Для меня это было бы самым тяжким испытанием в жизни, сын. Одному мне во сто крат легче принять смерть, пусть и самую лютую и жестокую, лишь бы я знал, что ты жив и здоров, что сможешь продолжить наш славный род Мирпуа... – он увидел, как сын открыл рот, чтобы что-то возразить, приложил свой палец к его губам и продолжил. – Там, в захваченном барбакане находится мой самый любимый враг, дед которого растоптал мою и твою жизни, чей предок лишил нас всего и загнал, словно заразных крыс в этот Богом забытый угол в заснеженных горах!

– Отец, бросьте все! Ваша жизнь слишком дорога для меня...

Он улыбнулся на слова сына, погладил Рожэ по голове и сказал:

– Рад бы, да грехи и долги слишком крепко приковали меня к Монсегюру. А лишиться себя удовольствия убить, если Господь позволит, хотя бы потомка того ублюдка-крестоносца я не

могу себе позволить. Слишком уж непозволительная для моих лет и теперешнего состояния роскошь...

Рожэ молча уставился вперед себя немигающим взглядом, помолчал так несколько минут, после чего повернулся к отцу и сказал:

– Для меня всегда будет огромной честью и гордостью помнить и знать, что вы мой отец, а я ваш сын.

Отец молча обнял сына. Они просидели так, не говоря ни единого слова, около получаса.

– Можно задать тебе один вопрос? – Пьер-Рожэ посмотрел в глаза сыну. – Последний вопрос... – Тот молча кивнул и пожал плечами. Рыцарь вдохнул свежий горный воздух, посмотрел на небо, развернувшее над их головами свое бездонное голубое покрывало с редкими белоснежными тучками, посмотрел на сына и сказал. – Там Грааль?..

Рожэ побледнел, скулы на его лице напряглись, а глаза разом сделались серыми от напряжения. Он натянуто улыбнулся и ответил:

– Пусть это станет еще одной легендой, батюшка. Тебе нет нужды сеять зерна сомнений в своем чистом сердце воина. Сосредоточься на главном. Что есть в твоей жизни.

Он поцеловал руку отца, встал и пошел к главной башне замка. Пьер-Рожэ поднял голову и с грустью в глазах посмотрел ему вслед. Его сын уходил от него, уходил навсегда, унося с собой его фамилию, кровь и великую тайну катаров. Рыцарь поднял глаза, присмотрелся и увидел в башенном окне сутулую фигуру Бертрана де Марти, спокойно наблюдавшего за ними.

– Вот, теперь я и сына лишился... – грустно прошептал рыцарь. Он опустил голову и закрыл глаза, наслаждаясь тишиной, возникшей в перерыве между осадами замка, просидел так до вечера, после чего встал и пошел к казармам.

– Братья мои! – Он распахнул двери казарменного помещения, где лежали, отдыхая, воины гарнизона, свободные от службы или после ранений. – Не пора ли нам, в конце концов, выйти из замка и надрать задницы этим бахвалам франкам! Нечего им, паскудникам, штаны протирать в нашем барбакане!..

Воины, уже порядком стосковавшиеся по нормальной рубке и измученные нудными и вялыми осадами, перемежающимися с арбалетными дуэлями и обстрелом из катапульты, вскочили со своих постелей и восторженно закричали, поддерживая призыв своего командира.

– Молодцы, дети мои! Как стемнеет – выходим и к чертовой матери выгоняем их из барбакана! Мне донельзя надоела эта хреновина, что бросает камни и всякую падаль к нам в замок!..

Десять лье южнее замка Монсегюр. 1 апреля 1267г.

Перестроив на ходу спешенных воинов, Ги вывел отряд из-за поворота горной дороги и увидел перед собой, в трехстах туазах от него, крутой подъем, тянущийся к едва приметному входу в одну из знаменитых пещер Сабарте.

– А вот и наша пещерка! – Весело присвистнул он и, повернув голову к воинам, крикнул. – Щиты вперед! Арбалеты приготовить! Последним четверем рядам смотреть наверх и стрелять без команды, если ублюдки высунут головы!..

Его отряд, перестроенный в некое подобие каре, где в каждом ряду было по пять воинов, медленно, словно крадучись, стал приближаться к подъему. Дорога извивалась, словно змея, каждый шаг воинов, казалось, отдавался мощным эхом.

– Мессир, сверху тропинки стоят стрелки! – Пьер подбежал к де Леви и показал рукой на едва заметные фигурки воинов, спрятавшихся между камнями и кустарниками, росшими по обеим сторонам тропинки, ведущей к пещере. – Дорога вот-вот закончится, а по тропе в ряд едва двое пройдут...

Рыцарь приложил ладонь к глазам и присмотрелся – действительно, на самом верху, там, где тропинка заканчивала свой крутой подъем к площадке перед пещерами Сабарте, он увидел шевеление каких-то людей, прятавшихся за густыми зарослями кустарников.

– Вот и чудненько! Пьер, – он посмотрел на своего рыцаря, – мне кажется, что тебе пора обзаводиться семьей... – Воин осклабился, обнажая свою щербатую улыбку. – Выстраивай отряд и выбей их оттуда. Полагаю, что тебя не надо учить, как это делается?..

– Не извольте беспокоиться, хозяин! Я мигом!.. – тот поклонился и, на бегу поправляя свой щит, поспешил к воинам.

Ги обернулся к своим оруженосцам и сказал:

– Так, ребята, приготовьте-ка мне секиру со средней рукоятью, шестопер и, – он увидел, как один из его оруженосцев потянулся к большому горшковидному шлему, скривился и добавил, – нет! Это ведро мне сегодня не понадобится! Думаю, что в пещерах будет темновато, а с его прорезями и дном-то толком ничего не видно. Обойдусь простым сервильером...

– Но, мессир Ги! – Испугался один из них. – Ваша супруга нам строго-настрого приказала, чтобы мы следили за вашей безопасностью и что вам просто необходимо сражаться в большом шлеме...

– Хм... – прокашлялся Ги, его лицо посуровело, брови поползли к переносице. – Я что-то не понял?! С каких это пор женщины стали разбираться в оружии лучше рыцарей?!

Оруженосцы поняли, что один из них сморозил что-то лишнее, и убрали шлем подальше, боясь большой взбучки за самовольство.

Пьер, тем временем, быстро перестроил отряд и стал подниматься по тропе, намереваясь атаковать неприятеля, засевшего на ее вершине. Рыцари и воины отряда Ги де Леви умело перестроились по двое и, прикрываясь щитами, стали подниматься вверх по склону, выставляя вперед свои длинные копья. Остальные оруженосцы, конюшие и остатки арбалетчиков, присланных графом де Фуа, вооружившись арбалетами, пошли за ними следом, намереваясь, по команде Пьера, прикрыть их стрелами.

Катары, просто не было никакого сомнения в том, что это были именно они, растерялись, увидев такую слаженность и организованность действий противника и, не дожидаясь команды своего предводителя, произвели нестройный залп из арбалетов, который, не считая троих раненых, толком не произвел никакого действия на французов.

– Ребята! Да они олухи! – Радостно крикнул Пьер, сбрасывая со своей головы тяжелый горшковидный шлем, привезенный ему Ги де Леви из Италии в качестве подарка. Он остался в легком шлеме-сервильере и кольчужном оплечье. – Вперед! Рвем эту падаль на части!

Отряд, повинувшись приказу командира, побежал наверх, но старался не сильно ломать свой строй, ведь только в слаженных, грамотных и организованных действиях был успех. Передние ряды быстро пробежали около десятка туазов по крутому склону и вломились в толпу защитников, сгрудившихся на площадке перед пещерами. Эта четверка рыцарей из отряда де Леви, умело и шустро работала копьями, расчищая небольшой плацдарм для остальных воинов, поднимавшихся следом за ними и, вскоре, весь отряд закрепился наверху, оттесняя противника к пещерам.

Ги высоко задрал голову и, прикрываемый с двух сторон щитами, которые держали оруженосцы, наблюдал за ходом стычки. Он увидел, как Пьер подбежал к обрыву и стал вращать мечом над головой, подавая сигнал о том, что первая часть атаки увенчалась успехом. Ги быстро поднялся вверх по тропе и присоединился к своему отряду, выстроившемуся треугольником прямо напротив кучки защитников, сгрудившихся возле входа в крайнюю левую пещеру. Он быстро окинул взглядом поле боя: лишь трое раненых, в то время как противник потерял около десятка убитыми.

– Клянусь Пасхой, Пьер, ты просто молодец! – Ги подошел сзади и похлопал рыцаря по плечу. – По возвращении домой выделю тебе лен возле замка Ла Гард и подыщу прехорошенькую женушку!..

– Рад служить вашей милости! – Весело ответил ему рыцарь. – Мессир! Судя по началу боя, перед нами крестьяне или какие-то оборванцы, мало сведущие в военном деле...

– Я тоже так подумал... – кивнул в ответ Ги. – самые толковые или сидят в глубине пещеры, или были на том выступе...

– Скорее, сеньор де Леви, и то, и другое... – Пьер насторожился. – Уж, случаем, не готовят ли они нам какое-нибудь паскудство?.. – он воткнул меч в каменистую почву и перекрестился. – Малость побаиваюсь их, иродов...

– Это хорошо. Не боится только дурак... – Ги и сам поежился при мысли о том, что бой придется проводить в темноте пещер, где враги знают каждый камень, поворот и выступ, а он и его воины будут драться наугад, повинувшись инстинкту и интуиции. – Прикажи перезарядить арбалеты и проредить эту толпу, они меня раздражают... – скривился он напоследок.

– Уже заканчиваем, мессир! – радостно ответил ему Пьер.

– Молодец. – Спокойно ответил Ги. – Тогда, как будешь готов, атакуй и загони этот сброд в их поганую нору, но сначала покоси, как следует, этот сорняк. У тебя ведь нет желания тратить на них наше время в пещерах?.. – Пьер усмехнулся и отрицательно покачал головой. Де Леви хлопнул его по спине. – Действуй!..

В это время противник начал снова обстреливать французов из арбалетов и ручных пращей, которые все еще применялись горцами Пиренеев. Ги не успел увернуться, и тяжелый арбалетный болт слегка контузил его, ударившись по касательной, отскочил от шлема-сервиьера, умудрившись ранить в плечо оруженосца, стоявшего слева от рыцаря.

– Вот твари! – Вскрикнул оруженосец, падая на спину. Ги резко повернулся на крик своего воина, склонился над ним и, убедившись, что рана не опасна – было слегка задето плечо, но болт, потеряв скорость, не смог глубоко засесть в ней, похлопал того по груди и сказал. – Не беспокойся, Жак, твоя рана не глубокая. Лежи здесь...

Он махнул своим мечом, отдавая приказ Пьеру начать атаку. Рыцарь, который, казалось, только и ждал этого, крикнул передним рядам, они быстро присели, прикрываясь щитами, а арбалетчики, стоявшие за их спинами, разом разрядили свои арбалеты в толпу противника, создав сильные бреши в его и без того нестройных рядах.

– Монжуа Сен-Дени! Франция и де Леви! – Крикнул Пьер, увлекая воинов в атаку на опешивших врагов.

Рыцари и воины, ошетилившиеся копьями, напали на противника и стали теснить его, загоняя вглубь пещеры и рассекая на две части. Обороняющиеся попятились назад и, словно масло под ножом, стали расступаться, обрекая себя на уничтожение.

Воины, большинство из которых имело богатый военный опыт, тут же воспользовались суматохой и неопытностью противника, немного расширили строй и стали прижимать противника к бокам площадки, отрезая им вход в пещеры и лишая путей к спасению.

Арбалетчики, вместе со слугами воинов, заняли позицию прямо перед входом в непроглядную темноту пещеры и соорудили некоторое подобие фаланги, ошетилившись копьями и прикрывшись щитами, а для уверенности, что их не обстреляют, передние ряды присели на одно колено, создавая непреодолимый барьер на случай контратаки...

ГЛАВА VII.

Сокровища Монсегюра.

(Окончание).

Монсегюр. 17-28 февраля 1243г.

Ночная вылазка провалилась. Ни о какой внезапности и речи быть не могло – крестоносцы, ведомые де Леви, так грамотно обороняли барбакан и катапульту, понимая, что именно

здесь решается судьба осады Монсегюра, заметили катаров еще на дальних подступах и, подпустив ближе, произвели убийственный залп из арбалетов, выкосив две передние шеренги нападавших почти полностью. Пьер-Рожэ, словно обезумев, совершенно озлобился и, не желая признать свой полнейший провал, с упорством барана повел остатки отряда на стены барбакана, видневшиеся перед ним в тридцати туазах.

Но, на счастье или нет, катары бросились бежать, побросав штурмовые марши и фашины. За рыцарем шли только около полусотни самых проверенных воинов, намереваясь захватить и разрушить проклятую катапульту или сложить головы, причислив себя к сонму мучеников за свою веру, отдавших уже несколько тысяч своих жизней и заливших Окситанию своей кровью. Страшное и напрасное жертвоприношение такого огромного количества бессмертных человеческих душ, умерших за веру, но так и не добившихся победы над свирепым и беспощадным врагом, имя которому святая католическая церковь, не могло продолжаться до бесконечности, и вот сегодня, похоже, в их противостоянии должна была быть поставлена жирная точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.